

Елена Михалкова

Посмотри, **отвернись**, посмотри

Прислушайся к своей интуиции.
Если она кричит: «Спасайся!» — не жди...

Елена Ивановна Михалкова

Посмотри, отвернись, посмотри

Серия «Безупречный детектив»

Серия «Расследования Макара

Илюшина и Сергея Бабкина», книга 32

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69986659

Посмотри, отвернись, посмотри: Издательство АСТ; М.; 2023

ISBN 978-5-17-160375-5

Аннотация

Полина Журавлева и Александра Нечаева живут в параллельных мирах. Одна – москвичка, любимица своих близких. Другая – провинциалка, ребенок из неблагополучной семьи, не сохранившая ни друзей, ни привязанностей.

Но точка пересечения этих миров – жестокое убийство, погружающее в темные и страшные тайны.

Если что-то на первый взгляд кажется тебе милым, ясным и привлекательным, остановись. Отвернись. Посмотри ещё раз. Вглядишься пристально. Прислушайся к своей интуиции. Если она кричит: «Спасайся!» – не жди, пока на помощь придут частные детективы Макар Илюшин и Сергей Бабкин.

Они могут не успеть.

Содержание

Глава первая. Полина	5
1	5
2	11
3	13
Глава вторая	44
Глава третья	74
Глава четвертая. Саша	104
1	104
2	108
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Елена Ивановна Михалкова
Посмотри,
отвернись, посмотри

© Е. Михалкова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая. Полина

1

В коробке были книги. Они-то и привлекли мое внимание. Светоний, Плутарх. За ними старое издание Еврипида и рядом Анненский с «Книгой отражений». Я было решила, что владелица коробки – студентка-филолог, но возле Анненского лежал и «Шелкопряд», и Пратчетт с «Благими знамениями», и совсем уж внезапный Юрий Коваль с моим любимым «Недопёском».

Прищурившийся песец на обложке и три дурашливые си-не-зеленые собаки над ним – последнее, что я помню.

Дальше – темнота.

Случилось бы то, что случилось, если бы я не остановилась, чтобы бросить взгляд на потрепанные книги?

Думаю, да.

Потому что эта история началась не с коробки. И даже не с моей лжи, которая и привела меня в итоге в чужой страшный дом.

Она началась с потрескавшейся оконной рамы, сквозь которую пробрался жучок.

Сентябрь. За восемь месяцев до темноты

Монтажников было двое. Первый, на вид немногим старше сорока, сражал потрепанным великолепием, словно ковровая дорожка в ведомственной поликлинике. Лысина его блестела. Подтяжки надувались на животе, как стропы, удерживающие воздушный шар. Он снисходительно поглядывал на меня, а встречу начал с насмешливого вопроса, есть ли дома взрослые. Эмма называет таких «хозяйственный жулик». Однако «жулика» порекомендовала мне она сама – бригада поменяла ей окна быстро и качественно, как и было обещано. К тому же бабушку подкупили их манеры.

– Полечка, ты не поверишь: эти вахлаки переобулись в прихожей.

– Эмма, сейчас все переобуваются. Даже врачи носят с собой бахилы.

– А один, между прочим, отвесил мне изысканный комплимент. – Бабушка, по своему обыкновению, меня не слушала. – Сказал, что я напоминаю ему балерину Анну Павлову. Утонченный нынче пошел монтажник... Это приятно. Ты должна сменить окна, милая, не спорь, это мой подарок тебе на день рождения! В прошлый раз я видела у тебя жука-древоточца. В один прекрасный день ты проснешься, потому что рамы превратятся в труху и стекла просто выпадут на асфальт! Бамц! Вдребезги! Может быть, какому-нибудь растяпе отрежет голову осколком... – мечтательно закончила бабушка.

В этом вся Эмма: щедрая, взбалмошная и несколько кро-

вожадная. Возражать бессмысленно. Кстати, день рождения у меня в июле.

Старые деревянные рамы и впрямь изветшали. Зимой вздыхали и присвистывали, как беззубый старик. Летом в них роилось мелкое насекомое племя – какие-то крошечные муравьишки, букашки, – «тля мимолетная», говорит про таких Эмма.

Иногда я находила тлю мимолетную в сахарнице или в вазочке с печеньем. Кое-кто обживал карманы моего пальто.

Это пальто – драповое, сумрачно-серое, тяжелое, как рыцарские доспехи, – много лет висит на плечиках портновского манекена возле гардероба. В сумерках оно неизменно напоминает мне призрака, который вышел из стены и остановился в растерянности, позабыв, куда намеревался идти. Старенькое привидение с провалами в памяти.

Я люблю эту вещь за трогательную нелепость. Купила в секунд-хенде много лет назад. Спустилась в крошечный подвальныйчик и сразу увидела его. Грустное и одинокое, пальто стояло в углу, как неприкаянная лошадь, и было ясно, что ему очень много лет. Большинство моих ровесников не видели мультфильм «Варежка». Но я из тех выросших детей, что навсегда травмированы девочкой и ее маленькой собачкой. Мне требовалась зимняя обувь, денег было в обрез. Однако ушла я в обнимку со старым драповым пальто. Те, кто всегда берет в магазине одинокие бананы из ящика, меня поймут.

С тех пор пальто живет в моей квартире – нечто среднее

между домашним питомцем и молчаливым укором. Носить его невозможно: оно ложится на плечи тяжестью всех скорбей мира. Я рассовываю по его карманам сигаретные пачки и втыкаю в отложной воротник свои броши.

Второму монтажнику было на вид около тридцати. Мне показалось, он как-то растерялся, увидев меня, но я списала его замешательство на то, что Эмма с ее причудливым воображением соткала для меня развесистую биографию. С нее стало бы рассказать, что я – карлица из циркового шоу.

Проведя мастеров в комнату, я укрылась на кухне. Для работы мне нужны только ноутбук и тишина, но было ясно, что тихо в ближайшее время не будет.

От чужой повести меня отвлек негромкий стук в дверь. Младший из работников попросил попить.

Пока я наливала воду, он смотрел на меня не отрываясь. Про другого человека я бы сказала «пялился». Но его взгляд был внимательным и как будто чуточку недоумевающим.

– Я вам кого-то напоминаю? – не выдержала я.

– Да, – кивнул он. – Мою жену.

– Вы давно женаты?

– Я не женат, – с улыбкой ответил он.

В первую секунду я опешила, потом рассмеялась. Старый как мир подкат, скажете вы, того же рода, что и вопрос: «Вашей маме зять не нужен?» Возможно. Но, видите ли, у него была, если можно так выразиться, вполне серьезная улыбка. Он смотрел на меня мягко и в то же время с такой уверен-

ностью, что это даже вгоняло в оторопь.

– Боюсь, вы опоздали, – сказала я, сохраняя шутливый тон. Хотя мне уже тогда было ясно, что все это выходит за пределы шутливого флирта с симпатичной молодой хозяйкой квартиры в надежде на чаевые или, чем черт не шутит, необременительный романчик. – Я замужем.

Мы развелись с Димкой пять лет назад. Вряд ли Эмма успела посвятить незнакомых людей в обстоятельства моей семейной жизни. В таких вопросах она щепетильна.

Парень покачал головой:

– Это не имеет значения.

– Неужели?

– Да.

Повисло молчание.

– Мне нужно работать, – сказала я наконец, скрывая смущение и, пожалуй, испуг. Мне пришло в голову, что за этой поразительной самоуверенностью может таиться что угодно.

Он улыбнулся, тщательно вымыл стакан и поставил на сушилку, безошибочно определив, где нужный шкафчик. Уходя, он бросил взгляд на подоконник и заметил на нем черного жучка.

Прежде чем я успела сказать: «Не надо, не трогайте его!», он шагнул к насекомому и осторожно сгреб в ладонь. Затем исчез. Хлопнула входная дверь.

Через окно я наблюдала, как он появился перед подъездом, огляделся, выбрал самый зеленый клочок земли во дво-

ре, присел на корточки и бережно спустил невидимого сверху жучка в густую траву.

Я почему-то ждала, что, вернувшись, парень снова заглянет на кухню. Но этого не произошло. Монтажники трудились несколько часов без перерыва, а около четырех старший позвал: «Хозяйка, принимай работу».

Младший исчез. Я похвалила новые окна, в которых ничегошеньки не понимала, расплатилась с толстяком и вернулась к рукописи. Но вскоре в дверь позвонили.

Когда я открыла, парень протянул мне маленькую ярко-оранжевую тыкву. В нее, как в вазу, были воткнуты разноцветные герберы.

Впервые вижу человека, который при первом знакомстве дарит девушке тыкву.

И это было, черт возьми, очаровательно.

– Мисевич, – сказал он все с той же едва уловимой улыбкой.

– Что, простите?

– Моя фамилия – Мисевич. Антон Мисевич. А ваша?

– Журавлева.

– Ваша красивее, – подумав, решил он. – Не будем менять ее на мою. – И прежде, чем я успела что-то сказать, попрощался и сбежал вниз по лестнице.

Я пожала плечами и пробормотала: «Нахал». Тыква лежала в моей ладони, гладкая, солнечная, и, казалось, грела мне пальцы.

Антон переехал ко мне три недели спустя. Я не склонна к опрометчивым решениям. Но он заразил меня своей уверенностью в том, что мы должны быть вместе. «Кажется, я понимал это еще до того, как тебя увидел, – признался он однажды. – С самого утра было чувство, будто что-то произойдет».

Что я знала о нем, когда он перевез свои вещи?

Что ему тридцать три. Что он никогда не был женат и у него нет детей. Вырос в маленьком городке под Новосибирском. Не поддерживает никаких отношений со своей семьей. Жил в Санкт-Петербурге, но два года назад решился на переезд в Москву – по его словам, исключительно из-за климата. «Странный город, – как-то сказал он, вспоминая Питер. – Сначала я его совсем не понял, а потом незаметно полюбил. Поедем туда по весне?»

Он мало говорил, но много делал. Кое-какие мелочи в квартире требовали ремонта, и он исправил все до единой. Из крана в душе то и дело начинала течь грязная вода. На мои жалобы ЖЭК не реагировал, а Антон заставил их шевелиться. Он дарил мне цветы и сам менял воду в вазе. Заказывал еду, а когда на меня свалился срочный проект, присылал смешные напоминания, чтобы я не забывала поесть. Он так откровенно мною любовался, что в первые дни я не

могла поверить, будто он это всерьез.

– Наконец-то наша сиротка нашла себе родительскую фигуру. И втюрилась со всем пылом измордованного сердечка.

Ксения закинула ногу на ногу, затянулась и медленно выпустила струйку дыма.

В своих формулировках она безжалостна. Впрочем, у меня было время привыкнуть.

В школе я не считалась серой мышкой или тихоней, но мне всегда было интереснее одной, чем с компанией, – если только речь не шла о друзьях моих родителей. О, этот мир взрослых ироничных людей! Вино, сыр, синеватый дым над вином и сыром; кто-то начинает цитировать Бориса Рыжего, и ему откликаются строками Янки Дягилевой. Я благоговела перед этими людьми. Готова была слушать часами их изысканный трёп. Выучила наизусть «Ночью черниговской с гор араратских» – потому что один из папиных приятелей как-то заметил, что это величайшие стихи гения двадцатого века.

Когда я выросла, мне уже не казалось, что Чичибабин – гений. Но Борис с Глебом и их лошадки, достающие шерсткой ушей до неба, остались со мной.

Кто я была такая? Девочка, росшая как трава, без всякого присмотра и ограничений. Я обожала «Рамштайн» и знала наизусть все песни «Линкин Парк». Много лет спустя гибель Честера Беннингтона переживала как личное горе.

Джинсы, свитер. В кармане копеечный сотовый – не потому что родители сэкономили, а потому что они не придавали всем этим игрушкам никакого значения. Я носила армейские берцы на подошве толщиной с буханку и каждую неделю рисовала на себе новую татуировку – одну из тех, что украшали тело моего кумира Честера.

Однажды мама заметила сине-красные всполохи на моих запястьях.

– Милая, что это? – рассеянно спросила она.

Я ответила, что это дань восхищения вокалистом моей любимой группы.

Некоторое время мама рассматривала мои тощие лапки.

– Безобразие, – сказала она наконец. – Грязно, неэстетично... Существуют специальные маркеры для временных татуировок. Я поищу.

В этом вся мама! Неделью спустя я стала счастливой обладательницей коробки с пятью маркерами, а на моих руках надолго поселились разноцветные карпы кои.

Говорили ли про меня, что я со странностями? Кажется, нет. Но я держалась особняком, а держаться особняком в седьмом классе означает, что ты – из племени изгоев.

Ксения была королевой класса. Девочка-со-своей-свитой. Мини-юбка, замшевые сапоги – розовые, подумать только! Ее задевало, что я не только не признаю ее главенства, но и вообще не слишком интересуюсь табелью о рангах.

Она попыталась натравить на меня своих подпевал – так,

слегка. Что-то вроде тестового покусывания, проверки материала на прочность. Я огрызнулась, а когда на меня напали, пустила в ход кулаки.

Этого от меня не ожидали.

Одноклассникам не было известно, какое участие принимали в моем воспитании мамыны младшие братья. Я – единственный ребенок в довольно большом разветвленном семействе, и на мне отрабатывались педагогические приемы. «Тычь в нос кулаком», – учил Сева. «Коленом двигай в пах!» – показывал Паша. «Всегда бей первая!»

Один из моих обидчиков удрал с окровавленным носом, другому я разбила губу. Случился скандал. Родителей вызвали в школу. Мама вежливо побеседовала по телефону с завучем, пообещала, что явится ровно в шесть, и, положив трубку, мгновенно забыла об этом разговоре. Я даже не уверена, что она знала адрес школы.

А отец всегда был противником системы. «Я готов прийти к ним только с динамитной шашкой», – заявлял он, воинственно колотя вареным яйцом о столешницу.

Администрация школы растерялась. Дело спустили на тормозах, а Ксения Архипова неожиданно для всех объявила, что теперь я под ее защитой.

Она мастер неожиданных ходов.

Ксения буквально продавала идею нашей дружбы. Насильно взяла меня под крыло. Сначала я удивлялась, но со временем открыла, что рядом с ней действительно интерес-

но.

Она была умна, зла, наблюдательна, избалована матерью-одиночкой, навсегда признавшей превосходство своей красивой дочери, и невообразимо ленива. Больше всего ей нравилось валяться на диване, курить и запоем смотреть сериалы. Она показала мне массу отличных фильмов. Иногда на Ксению находил стих, и мы отправлялись гулять в неизведанные места. Зброшенные стройки, промзоны, парки с руинами... Я тогда увлекалась фотографией. Остались снимки: белокурое эфирное создание в платьице и туфельках на каблуках (Ксения не признавала другой обуви) сидит на ступенях цеха. Кирпичи, лопухи, выбитые стекла – мрачная картина разрушения и запустения. И среди всего этого – райская птичка. Чудовищная банальность! Но в то время мы были юными и не пугались банальностей.

В двадцать два я выскочила замуж за однокурсника. Год спустя стало ясно, что мы отличные друзья, но никудышные супруги. Развод почти ничего не поменял в наших отношениях, разве что мы разъехались по своим квартирам. Димка иногда забегает к моим родителям – просто поболтать. Я вожу в театр его бабушку. Из нас получились добрые приятели – лучший итог неудавшегося брака.

По неизвестной причине Ксения на дух не переносит моего бывшего мужа. В день, когда мы расписывались, у нее случилась истерика, и после загса мне пришлось отпаивать ее водой.

«Ты с ним будешь несчастна!» – рыдала она.

Я ни дня не была несчастна за весь следующий год. По-моему, это всерьез ее злило.

– Со всем пылом измордованного сердечка! – нараспев повторила Ксения.

Теплым осенним вечером мы сидели на ее балконе. Я – в джинсах и футболке, Ксения – в розовом шелковом халатике, отороченном перьями.

Из института ее отчислили на третьем курсе. Все эти годы Ксения перебивалась случайными подработками. На деньги, которые ей платили, не прокормишь даже морскую свинку, и довольно долго источник ее доходов был для меня загадкой, пока меня не просветила Эмма. «Дорогая, твоя подруга живет за счет любовников».

Ее нынешний бойфренд требует, чтобы к его приходу Ксения всегда выглядела *шикарно*, а поскольку он из тех мужчин, вкусы которых сформированы порнофильмами восьмидесятых, шик в его представлении отдает провинциальным борделем.

– И кем же, по-твоему, оно измордовано? – спросила я и тоже закурила.

– Твоими драгоценными мамочкой и папочкой, разумеется. – Ксения протянула руку за бокалом, отпила вино и раздраженно щелкнула пальцами: – Почему ты вечно куришь, как зэк на лесоповале? Сигарету нужно зажимать между ука-

зательным и средним!

– А я как держу?

– Как дротик!

– Мне так удобнее. Кстати, помнишь одну из заповедей: не наезжай на родителей друзей своих?

– Твоих родителей надо пороть по субботам. Из-за них ты связалась с альфонсом!

Я засмеялась.

– Что ты ржешь? – недовольно спросила Ксения. – Даже если он покупает продукты, это ничего не значит. Ему требовалась свободная хата с бескорыстной дурой. Пацан нехило сэкономил на съеме московской квартиры.

– Он жил в общежитии.

– Разумеется! Он же нищесброд.

– А по-моему, он отличный парень, – весело возразила я.

– Все из-за твоих папа# и мама#н, – гнула свое Ксения.

Папа преподает в московском вузе, мама занимается редактурой. Я выросла среди кип чужих рукописей, испещренных ее пометками, – в детстве эти значки казались мне загадочными, как пляшущие человечки. Все были уверены, что я пойду по ее стопам. Так и случилось.

Мои родители – добрые, снисходительные, веселые и беззаботные.

Вам кажется, что о таких можно только мечтать?

А теперь прибавьте к этому, что их может обмануть любой проходимец. Что мама не умеет платить за электриче-

ство, а папа так и не научился включать стиральную машину. Коридоры в их квартире состоят из напластований векового хлама. Среди этой рухляди я однажды встретила бродячего кота, который кинулся ко мне с криком облегчения, словно заплутавший в лабиринте пещер Том Сойер. До сих пор не знаю, как он туда попал. В тот же день я пристроила его к старушке этажом ниже. Думаете, мои родители поинтересовались судьбой исчезнувшего животного? Полагаю, они даже не знали, что он завелся в их доме.

Папа с мамой – беззаботные дети в обличье взрослых, прилетевшие в наш мир с острова Нетинебудет. И все бы ничего, но зачем-то эти дети родили себе собственного ребенка.

Все мое детство я купалась в свободе, которую мои сверстники и вообразить не могли. Если бы я сказала маме: «Сегодня я переночую на крыше», мама ответила бы: «Не забудь зонтик, ночью обещали дождь». Я могла читать любые книги, брать для своих затей что угодно. Шалаш из маминой шубы? Пожалуйста! Выкурить папину сигару, потому что я играла в индейцев и мне потребовалась трубка мира? Ради бога!

После переговоров с бледнолицыми меня полчаса рвало над унитазом.

Я довольно рано догадалась, как беспомощны мои родители. Они ходили на работу, занимались Серьезными Взрослыми Делами, но за пределами своих маленьких мирков – из-

дательства у матери, института у отца – оба были мало приспособлены к жизни. Папа трижды отдавал зарплату уличным мошенникам. Мама заливала соседей столько раз, что я сбилась со счета. Деньги утекали, как вода сквозь перекрытия, и со мной оставалось только ощущение противной сырости и понимание, что мы опять влипли.

Когда я подросла, меня стали отправлять на переговоры с внешним миром. Участковый, вызванный среди ночи на шумную пьянку в нашей квартире, разгневанные соседи, продавцы, приемщицы в химчистке, таксисты, школьная администрация – со всеми этими людьми должна была договариваться я. Родителям это было не по душе, и они перекидывали неприятную обязанность на мои плечи.

Разве не для этого рожают детей?

Со мной не делали уроков. Ко мне в школу никто не приходил на родительские собрания. Я научилась готовить очень рано и сразу на всю семью, потому что мамина стряпня была попросту несъедобной. Мама завтракает и обедает сигаретным дымом, а вопрос пропитания остальных членов семьи ее никогда не тревожил.

В нашей большой семье почти нет по-настоящему взрослых. Дядя Сева – безработный музыкант. Дядя Паша – поэт без единой опубликованной книги. Папина старшая сестра Анюта – престарелая рокерша, автостопщица и неудачливая художница; когда приходит весна, она, подобно Снусмумрику, снимается с места и уходит бродить по свету. В проме-

жутках между скитаниями она родила двоих детей. Правда, оба – копия матери, так что моим кузенам пришлось легче, чем мне. Сейчас один из них приторговывает шмалью на Гоа, а второй где-то на юге строит хиппи-коммуну, что бы это ни значило.

Так что отчасти Ксения права. Мне двадцать девять, и я вздрагиваю от любого звонка, над которым высвечивается «мама» или «папа», потому что мне опять придется разгребать чужие проблемы.

Я очень их люблю. Они чудесные, милые, добрые люди. Вот только они делают мою жизнь невыносимой.

На этом семейном фоне любой, кто возьмет на себя заботу обо мне, покажется ангелом. Вот я и попалась в объятия приезжего прохиндея.

Так считает моя подруга.

– Давно пора вас познакомить, – сказала я.

– Что я, альфонсов не видела? Я ему нагрублю, тебе будет неловко. Не хочу тебя расстраивать, моя бедная страшенькая дурочка.

Она перегнулась через стул и поцеловала меня в щеку.

Но когда Антон и Ксения познакомились, все сложилось не так, как ожидалось.

– Господи, тебе опять несказанно повезло, – сказала Ксения с нескрываемым раздражением.

Мы только что вышли из подъезда после небольших дру-

жеских посиделок: я, Антон, Ксения и еще одна семейная пара. Друзья заболтались с Антоном, а я пошла проводить подругу – она живет в соседнем квартале.

Был конец октября. Ветер то стихал, то вновь усиливался, и листья торопливо летели мимо нас, будто спеша скорее упасть и тем самым завершить, наконец, всё длящуюся и длящуюся осень. Сколько вместили прошедшие два месяца! Знакомство с Антоном, его переезд ко мне... Мы с ним успели сгонять в Дивеево – оказалось, он отлично водит, – и уже обсуждали, не завести ли кота. Жизнь, которая текла неторопливо, вдруг ускорилась и понеслась.

– У твоего Мисевича только один недостаток. – Ксения перешагнула через лужу. – Ну, кроме того, что он неотесанный, но это поправимо.

– Какой же?

– Он слишком сильно в тебя влюблен.

Она окинула меня выразительным взглядом, в котором недоумение смешалось с презрением, и подняла одну бровь, как бы спрашивая, чем такое жалкое существо заслужило столь теплое отношение. Я рассмеялась.

– Самый большой его недостаток – он не умеет нормально мыть посуду.

Антон перевез ко мне свой нехитрый скарб. Кружка и две тарелки заняли место на полке. Но спустя неделю он уже пил кофе из моей чашки.

Я не возражала.

Чашка – подарок Эммы. Бабушка могла преподнести только вещь такую же изящную, как она сама. Тонкий английский фарфор, до того белый, что даже голубоватый. И по этой едва уловимой голубизне рассыпаны нежные первоцветы – синие пролески.

Когда сонный Мисевич сидит с утра за кухонным столом и лелеет хрупкую чашку в ладонях, у меня от умиления та-ет сердце. Чашка узкая, глубокая, и он никогда не отмывает ее до конца: на донышке остается коричневатый кофейный круг. Кажется, его лапа попросту не помещается в ней. Или же он боится, что застрянет, как те обезьянки, которых ловят на банан в банке, привязанной к дереву: засунув лапу и схватив банан, они уже не догадываются разжать кулак – и остаются в ловушке.

– Я не мою посуду, – не моргнув глазом, сказала Ксения. – Даже не знаю, кто этим занимается. Как сказала бы твоя сумасшедшая бабуся, приличной женщине не пристало заботиться о низменных вещах.

Даже в нашей шумной безалаберной семье, среди этого сборища инфантильных чудаков моя бабушка Эмма сияет недостижимой звездой. Притча во языцех, неиссякаемый источник семейных мемов. Вообще-то она – двоюродная сестра моей родной бабушки, но из всех членов семьи именно с ней у меня наиболее близкие отношения, – возможно, потому что Эмма – единственная, кто никогда не создавал мне проблем.

Она трижды была замужем: сначала за известным художником, потом за дипломатом, и, наконец, проводила в последний путь светило медицины. Между прочим, в честь светила назван переулок, а на доме, где он жил, висит памятная доска.

В наследство Эмме досталась просторная квартира в этом самом доме, которую моя безумная бабушка ухитрилась прокутить. С тех пор выражение «транжирит, как Эмма» поселилось в семейном лексиконе.

Десять лет назад, похоронив супруга, бабушка объявила, что ей необходимо утешиться. Она отправляется в путешествие. С любимой подругой, чтобы не тосковать одной.

Тогда мы не придали этому значения. Лишь после ее возвращения выяснилось, что Эмма продала унаследованную недвижимость и промотала все деньги. Слава богу, от мужа-дипломата у нее осталась небольшая двушка в Сокольниках. («Я всегда говорила: несколько браков полезнее для женщины, чем один», – заметила Эмма.)

Время от времени мы развлекаемся, гадая, как две старушечки ухитрились просадить трехкомнатную квартиру на Плющихе. Эмма на все расспросы отвечала скупой и туманный. Известно, что подруги уехали в Ниццу, но далее следы путаются. Что сокрыто от нас? Темнота клубов и лоснящиеся стриптизеры? Зеленое сукно игрального стола? Отдается ли их великолепный кутеж в ушах Эммы топотом лошадей, несущих на спине маленьких злых жокеев, и криками пуб-

лики, сделавшей ставки?

Мы почти дошли до подъезда, где живет Ксения.

– Кстати, а что у Антона за семья? – спросила она.

– Не знаю. Он с ними в ссоре. До завтра!

Я пыталась уйти, но не тут-то было. Она ухватила меня за рукав пальто:

– Что за ссора? По какому поводу?

– Ксения, я понятия не имею, правда. Мне пора, Антон будет беспокоиться!

– Хоть намекни!

Мне с трудом удалось отвязаться от нее. У Ксении нюх на чужие тайны. Если хочешь дружить с ней, ты весь должен быть как на ладони вместе с любыми секретами, потому что даже чужие секреты – это тоже часть тебя. Наш короткий прощальный диалог уничтожил всю безмятежность этого вечера. Не из-за того что она насела на меня. А потому что мне и самой не давала покоя мысль о семье Антона.

Все, что я знаю: он провел детство под Новосибирском.

Но кто его отец с матерью? Отчего он перестал общаться с ними? На мои расспросы Антон всегда кратко отвечал: «Мы поссорились». Однажды я рискнула уточнить, что послужило причиной, и получила в ответ: «Так вышло».

Это был красный флажок: «Не заходи дальше».

Антон не сердился, нет. Не упрекал меня, что я лезу не в свои дела. Он просто обрывал все разговоры о близких.

В доме моих родителей висят портреты маминой прабаб-

ки и прадеда. Наше семейное древо насчитывает восемь поколений. Жизнь каждого известна в подробностях – почти все женщины были образованны и вели дневники. Мамина ветвь – старомосковская, папина – казанская.

Я – плоть от плоти своей семьи. У меня мамина рассеянность, папина летучая вспыльчивость. Он сердится, а через минуту уже смеется. Я ощущаю свой род, уходящий в глубину времен. Но самое главное – я постоянно чувствую *своих*. Будто внутри меня разворачивается Карта Мародеров, по которой перемещаются фигурки: папа, мама, Эмма, Сева с Пашей...

Каково жить, когда ты совсем один?

И что это за ссора, из-за которой человек прекращает отношения со всем своим кланом?

Я знаю немало подобных историй. В одной семье не поделили наследство. В другой старшее поколение своим деспотизмом так отравило жизнь младшим, что те решили оборвать все связующие нити. Но никто не делал из этого тайны.

Что скрывает мой любимый?

Когда я вернулась, Антон домывал посуду за гостями. Я подняла чашку на свет, увидела чайный круг на доньшке и улыбнулась. Мысли о чужих секретах вылетели у меня из головы.

В конце концов, это совершенно не мое дело.

Полгода спустя

– Это совершенно не твое дело! – отрезала Ксения. – У него может быть тысяча причин не обсуждать с тобой большую тему.

Весна выдалась ранней. Мы с подругой много гуляли. Во время одной из таких прогулок я поделилась тем, что не давало мне покоя все эти месяцы.

В остальном все было хорошо. Зимой спрос на замену окон падает, но не исчезает. Антон чаще бывал дома, но мы не мешали друг другу: он тихо читал или занимался хозяйством, пока я редактировала тексты.

В ноябре мы смотрели сериалы. В декабре бурно отпраздновали Новый год вместе с моей семьей. Антон смеялся над папиными шутками, галантно ухаживал за мамой и вежливо кивал, слушая, как Сева с Пашей обсуждают голубой период в творчестве Пикассо. Его немногословность и мягкий юмор всем пришлись по душе. Январь мы провели в путешествиях, в феврале валялись с вирусом, в марте неожиданно расписались, решив, что отлично подходим друг другу. В апреле на Антона навалились заказы, а я как раз закончила большой проект.

Тогда же я начала бегать. Сначала в своем квартале. Потом разведала маршрут до парка. Правда, эта дорога вела через район, где новостройки теснились, как иглы в подушечке у вышивальщицы. Но я привыкла. Мне стали даже нравиться распахнутые подъезды, мимо которых я пробегала. От них пахло краской и необжитым жильем. Время от вре-

мении из машин выгружали перед ними скарб новых хозяев, и за несколько секунд я успевала рассмотреть фрагмент чужой жизни: кресла, торшеры, связки книг, фикус в горшке, который хозяйка любовно несла на руках, как кота, не доверяя грузчикам.

Работы было немного, на два-три часа в день. Я взялась учить французский и пересмотрела кучу глупых сериалов.

Ксения обзывала меня бездельницей.

Но мои навязчивые мысли точно были порождены не бездельем.

Я сказала – всё было хорошо?

Всё *было бы* хорошо, если бы не молчание Антона о его семье.

Сначала этот секрет казался мне не крупнее хомячка. У тысяч людей есть проблемы с родителями, так почему бы моему мужу не быть из их числа. Но чем упорнее молчал Антон, тем быстрее росла его тайна. К апрелю она превратилась в слона посреди комнаты, которого ее обитатели изо всех сил пытаются не замечать. Почти любая тема, которую мы обсуждали, рано или поздно выводила нас к его корням – и тут возникала заминка. Мы делали вид, будто ничего не происходит. Но у меня каждый раз оставалось чувство, что мы едва протиснулись между стеной и слоновьим копытом.

Дважды я подступалась к Антону с серьезным разговором. Дважды он резко отвечал: «Я не буду это обсуждать». После второго раза рассердился по-настоящему. Я видела,

что он готов собрать вещи. Пришлось извиниться и пообещать, что я больше не подниму эту тему.

Но слон никуда не делся. Он по-прежнему занимал половину комнаты.

На солнечном пригорке вылезла мать-и-мачеха. Вся земля была усеяна ее сплюснутыми цветками.

– Зачем ты пристаешь к человеку? – непонимающе спросила Ксения. – Думаешь, раз он живет с тобой, то обязан распахивать душу по первому требованию?

– Не в этом дело!

– А в чем же? – Она без улыбки взглянула на меня. – Честное слово, ненавижу это избитое выражение про нарушение чужих границ. Тычут им всюду, куда ни сунься. Но именно этим ты и занимаешься: нарушаешь чужие границы. Как одержимая. Почему тебя так волнует его семья?

– Семья здесь ни при чем!

– Тогда я вообще ничего не понимаю.

Я сорвала цветок и принялась вертеть его в пальцах.

– По словам Антона, я – самый близкий для него человек. Слушай, мы поженились!

– Ну и что?

– Если я самый близкий человек, почему он не обсуждает со мной то, что мне важно? Может, я тогда не самый близкий?

Ксения прищурилась:

– Я тебя не узнаю. Это точно ты, а не школьница с сахарной ватой в голове?

Она больно ткнула меня палочкой за ухом. Я ойкнула:

– Прекрати!

– Нет, это ты прекрати! Несешь какой-то претенциозный бред.

Соцветие рассыпалось на мягкие желтые иголки. Я вспомнила книгу, которую редактировала; там говорилось, что с латыни мать-и-мачеха переводится дословно как «кашлегон муконосный». Муконосный – из-за нижней стороны листьев, будто присыпанных мукой.

– Ну хорошо, – решила я. – Послушай, должна быть очень веская причина для того, чтобы прекратить отношения со своей семьей. Ты согласна?

– С этим – согласна.

– Например, его родители – жестокие люди, которые плохо с ним обращались.

– И что дальше?

– Или это не Антон, а его семья оборвала с ним все связи... – Я начала говорить медленнее, тщательно подбирая слова. – Потому что он совершил... Что-то такое... Непростительное...

Ксения изумленно взглянула на меня.

– Что, например?

– Я не знаю! Что угодно! Но вдруг за его нежеланием говорить о своей семье стоит что-то... страшное. Поэтому он

мне и не признается!

– Например, он убивал детей, – сощурилась Ксения.

– Перестань.

– Мучил их в подвале своего дома и закапывал в саду!

Ооо, жуткая тайна, которую таит в прошлом обычный монтажник окон!

Я пожалела, что посвятила Ксению в свои мысли.

– А ты не думаешь, истеричная бестолочь, – насмешливо начала она, – что в этом случае Антон выдал бы тебе трагическую историю о родителях, разбившихся в автокатастрофе? Если бы в его прошлом действительно было преступление, он замел бы следы. Он же не дурак!

– Я не знаю, дурак он или нет, – сказала я прежде, чем успела понять, что именно говорю.

Ксения вздернула бровь:

– Извини? Это в каком смысле?

Я промолчала. Что я могла ответить? Что временами меня посещает страх, будто мирно спящий рядом мужчина – совсем не тот, за кого себя выдает? Что я перебираю его редкие обмолвки, пытаюсь выстроить из них картину его прошлой жизни? Антон сделал предложение три месяца назад, так же настойчиво и обаятельно, как делал все остальное. «Я люблю тебя. Не вижу причин тянуть с браком. Мне не нужно присматриваться, брать время на раздумье... Ты – тот человек, которого я искал последние десять лет. Я понял это с первой минуты, как увидел тебя».

Мы женаты... А мне все чаще кажется, что я брожу по лабиринту замка, раз за разом проходя мимо двери в комнату Синей Бороды и не замечая ее. Но ключ от нее негромко позвякивает на связке.

Господи, до чего я дошла. Сравниваю мужа со сказочным злодеем.

– У тебя навязчивая идея, – сказала Ксения. – Запишись к психотерапевту. На твоём месте я бы с этим не затягивала.

* * *

Вместо психотерапевта я пришла к родителям. Говорила – и сама слышала, как жалко звучат мои объяснения.

– Что-то мне не совсем понятно, – сказал папа, выслушав меня. – Ты сомневаешься в Антоне? Тогда не нужно было выходить за него замуж. Однако всегда можно развестись. Это логичный выход, не согласна?

– Я не знаю, сомневаюсь или нет!

Кажется, я слишком часто повторяю «не знаю».

– Тогда в чём же дело? – нахмурилась мама. – Признаться, тоже не вполне понимаю.

– В его семье. О которой мне ничего не известно.

– Ну так поговори с ним об этом, – сказала мама тоном человека, который только что разрешил все чужие проблемы, но великодушно позволяет не благодарить его.

– Мама, ты меня не слушаешь! – Я повысила голос, и ро-

дители изумленно уставились на меня. – Я пыталась обсуждать с ним эту тему! Антон молчит!

– А ты объяснила, как это важно для тебя?

Ох, ну конечно. Мама и папа живут в мире, где для взаимопонимания достаточно *все объяснить* собеседнику.

– Само собой, объяснила, – устало сказала я.

– Ты уверена?

– Я и вам объяснила, а что толку!

Родители не обиделись, а встревожились. Мама с торжественным видом накапала мне пустырника, папа вернулся со стопкой коньяка и своим любимым сыром. Я, правда, не ем сыр. Но меня все равно тронула их забота.

– Тебе нужно попить успокоительное, – непререкаемым тоном сказала мама. – Ты очень много работаешь, просто на износ.

– Я ничего не знаю о его семье, – бессильно повторила я.

И вдруг увидела себя со стороны. В одной руке стопка коньяка, в другой – рюмочка с пустырником. Острые запахи смешиваются в воздухе кухни. Я настойчиво пытаюсь сунуть нос в часть жизни другого человека, которая закрыта от меня, и чем толще становится дверь, тем яростнее я в нее ломаюсь.

С сентября Антон не дал мне ни одного повода усомниться в себе. Он неизменно был великодушен и добр. Терпел мою подавленность и срывы. Утешал, когда я болела. Оставлял в холодильнике лучший кусочек. Всю зиму покупал за-

мороженные ягоды и варил для меня морс, чтобы я меньше хворала.

Это Ксения-то бесцеремонно суется в чужие тайны? А чем занимаюсь я? Пытаюсь сделать то же самое: обнажить и вскрыть то, что спрятано от меня. Еще и тычусь за индугенцией ко всем подряд.

Мне стало противно. Я попыталась утаить от родителей, какой подавленной чувствую себя. Это было нетрудно. После того как я выпила коньяк, они уверились, что выполнили родительскую миссию по утешению растрезвоженной дочери, и вернулись к беседам о своих делах.

Тошно, тяжело, душно. Может, заболеваю? Выйдя из подъезда, я села на скамейку. Дворы одевались зеленью. Это чудесное время, когда все дышит свежестью и юностью весны, так быстро заканчивается...

Неподалеку женщина выгуливала маленькую собачонку с такими огромными ушами, что казалось, вся псина – лишь приложение к роскошным опашалам. Хозяйка болтала по телефону. До меня долетел обрывок разговора:

– ... Сотня человек на свадьбе, все до единого – родня жениха!.. Откуда-то из провинции. Очень возмущались: некому морду бить. Так они вышли из положения – подрались с официантами...

Я усмехнулась. Почти наша история, только шиворот-навыворот. Жених – один-одинёшенек, а со стороны невесты

два колхоза.

Возвращаться домой не хотелось. Я поехала в океанариум.

Передо мной купили билеты женщина с сыном, подростком лет пятнадцати. Я снова увидела их уже внутри, возле больших аквариумов.

– ...Не будь снобом, Егор, – насмешливо сказала женщина, продолжая какой-то спор. Я пошла за ними, замороженная звуками ее низкого хрипловатого голоса. – Твой выдающийся дед, например, из очень простой семьи.

– Дед – исключение из всех правил! – басовито запротестовал мальчик.

– Ничего подобного, – мягко возразила мать. – Тебе нужно поговорить с ним об этом. Он многое может рассказать о своих родителях и о том времени...

Они ушли смотреть акул, а я села на деревянную скамью и стала наблюдать за рыбами.

Зрелый мужчина по соседству со знанием дела рассказывал своей хорошенькой юной спутнице про ската:

– У них печень едят. А мясо вонючее, его вымачивать надо.

Белый скат безмятежно парил в зеленой воде, изредка взмахивая крыльями, и был похож на морского ангела, опекающего стаю веселых грешных рыб.

Я отдавала себе отчет, что мною овладела идея фикс. Вот почему я постоянно натываюсь на разговоры о семей-

ственности. Существует феномен Баадера-Майнхоф, который еще называют иллюзией частотности. Представьте, что вы выучили новое слово, которое никогда не встречали прежде. С того дня как вы запомнили его, оно будет попадаться вам всюду. Лезть на глаза с упорством осенней мухи.

Конечно, это именно иллюзия. В ее основе – избирательное внимание. Мы концентрируемся на том, что нам знакомо.

Вот и я выхватываю из окружающего мира лишь то, что работает на мою навязчивую идею. Мне повсюду мерещатся семейные драмы и скелеты в шкафах.

Но что с этим делать?

* * *

Сначала слышится тихая трель звонка. За ней – приглушенные дверью твердые шаги. Эмма не признает тапочки. Она носит только ортопедические туфли на небольшом каблучке.

Итак, шаги. За ними – негромкое щелканье замка. Пока открывается дверь, до вас доносится шелест юбок. И наконец из сумрака коридора выплывает невесомая старушка в старомодном платье из зеленой тафты. Подсиненные кудри обрамляют узкое личико с большими глазами чуть навыкате. Эмма похожа на детеныша мартышки, которого обрядили в детское платьице. Иногда она предупреждает: «Сегодня

я злая обезьяна».

Я протянула ей букет розовых гвоздик, и она крепко обняла меня.

– Полинька, детка, как я рада! Проходи, проходи! Не рзுவайся. У меня бардак!

Стены увешаны репродукциями, на диване разбросаны книги. Эмма вернулась в комнату с хрустальной вазой.

– Позавчера мы с девочками были в ресторане. Официант обращался к нам не иначе как «милостивые сударыни». Не думаешь ли ты, что это было легкое хамство со стороны негодяя?

Я ответила, что этой моде не меньше десяти лет.

– Я так и полагала. Будь добра, завари нам чай. Вчера прогнала очередную недотыкомку...

Недотыкомка – это новая домработница. Бабушкина любимая помощница, красавица Кристина, уволилась полгода назад. С тех пор Эмма в неустанном поиске.

Я привычно заваривала чай, пока Эмма разглагольствовала из кресла:

– Коллективный организм нашего народа, Полинька, отчаянно нуждается в аристократизме, как в витамине Д. Купишь журнальчик, а там на первой странице Елизавета Вторая... Подобное чтиво пользуется огромным спросом. Русские люди припадают к заграничной светской жизни, как лоси лижут соль. Они бы припадали к отечественной, но рожи местной знати говорят сами за себя. Им место в борделе или

на нарах.

– У Елизаветы черты, знаешь, тоже не самые изысканные.

Я внесла на подносе чайник и вазочку с конфетами, накрыла на стол. Бабушка любит, когда за ней ухаживают.

– Ах, не в чертах дело! – отмахнулась она. – Дело в манерах! В воспитании! В умении элегантно носить и резиновые сапоги, и жемчуга! В прежние времена нехватку аристократов советский народ худо-бедно изывал, награждая каждую породистую собаку кличкой Граф или Маркиз. В одном только нашем дворе гуляло три Маркиза. Все, как один, длинношерстные. В коллективной памяти осталось понимание, что хорошая шерсть – это признак сытой богатой жизни.

– Эммочка, что ты несешь? – смеясь, спросила я.

– Ах, всякий вздор! Лучше расскажи, как твои дела. Что твой монтажник, все та же обаятельная заурядность? Не вырос над собой? Ради бога, не обижайся! Ты и сама такая же. Вы отличная пара.

Она вспорхнула из кресла легко, как птичка, и поправила картину на стене.

Это копия. Оригинал висит в галерее Тейт. Он называется «Гвоздика, лилия, лилия, роза», но у него есть и второе название: «Китайские фонарики». Бабушка без ума от Сарджента, а от этой картины особенно. Утверждает, что я – выросшая копия той девочки, что справа. По странному стечению обстоятельств маленькую натурщицу Сарджента тоже звали Полли. Полли и Дороти Барнард, две сестры в суме-

речном саду, полном лилий и роз. Бумажные китайские фонарики мягко светятся в их руках. В детстве я мечтала оказаться внутри этой картины.

– У монтажника всё отлично.

Эмма насторожилась. Она чутка к интонациям, оговоркам.

– Что-то не так?

Есть люди, к которым можно прийти за советом. А есть люди, в которых можно нашептать свои секреты, как в ямку, и знать, что ничего из сказанного никогда не выйдет на свет. Я разлила чай – и выложила все бабушке.

– Откуда, ты сказала, родом твой Антон? – после долгого молчания спросила Эмма.

– Из Новосибирска. Вернее, он вырос в Искитиме. Юг Новосибирской области.

– Представляю, где это. – Она задумчиво помешивала сахар. – Милая, ты не хочешь туда наведаться?

Я уставилась на бабушку:

– Что мне там делать?

– Допустим, найти семью твоего мужа, – невозмутимо ответила Эмма. – Поговорить с ними. Узнать, что он скрывает.

– Поверить не могу, что ты мне это предлагаешь!

– Отчего же?

Эмма нацепила очки и стала похожа на пожилую гувернантку строгих правил.

– Потому что это нарушение границ другого человека. – Я

дословно повторила слова Ксении. — Это низко, Эмма. Единственное, что возможно сделать в нынешней ситуации, — сказать Антону, что нам лучше пожить какое-то время отдельно. Но это глупо! Я осознаю, что у меня какой-то сдвиг на этой теме...

Эмма вскинула ладонь, и я осеклась.

— Восемь лет назад, — начала она, — Сева попал в аварию.

Я кивнула. Дядя купил мотоцикл и разбился на третий день.

— Когда это произошло, мы сидели в кафе вместе с твоими родителями, — продолжала бабушка. — У твоей мамы зазвонил телефон. Помнишь, что ты сказала в тот момент?

— Нет...

— Ты сказала: «Что-то с Севой».

Да, теперь я вспомнила. Звонок телефона что-то сместил в моем восприятии реальности. Я увидела не накрытый стол, а лицо дяди, вернее, фотографию его лица — отчего-то в стиле ретро-снимков, выцветшую сепию. Мама вскочила, и в эту секунду я уже знала, что он в беде.

— К чему ты клонишь?

Эмма вздохнула.

— Полинька, твои рассуждения о низких поступках совершенно верны, но лишь до тех пор, пока остаются абстрактными. Мы же говорим о тебе. О конкретном человеке! Знаешь, кого я вижу перед собой? Женщину, у которой чрезвычайно сильно развита интуиция.

Мне вспомнилась моя Карта Мародеров.

– Сейчас твое чутье не дает тебе успокоиться, – продолжала Эмма. – Ты могла бы выбирать платье для летней вечеринки, но вместо этого изводишь себя. Решение твоей проблемы, Поля, очень простое: тебе нужно лишь получить ответ на твои вопросы.

– А что я скажу Антону?

Эмма пожала плечами:

– Соврешь. Пока что ты ровным счетом ничего ему не должна. Когда я говорю «ровным счетом ничего», я имею в виду, что ты не должна ему и правды. Он-то тебе, заметь, правды не говорит!

– Но и не лжет, – возразила я.

– Этого ты знать не можешь.

С удовлетворенным видом бабушка вернулась к чаю.

Змей-искуситель в ортопедических туфлях!

– По-моему, тебе просто не хватает, – я пошевелила пальцами, пытаясь извлечь из воздуха нужное слово, – движухи! Оживляжа в твоей тихой жизни мало. Ву компрене?

– Еще как компрене! – отозвалась бабушка. – Хотя, не скрою, меня удивляет, что редактор прибегает к жаргонизмам и вульгаризмам. Трудно обходиться без словаря синонимов в разговорной речи? Сочувствую!

Я скорбно покачала головой:

– Неискренне говорите... А жаль!

Эмма тихо засмеялась.

– Ты не обидчива, Поля, – это одно из главных твоих достоинств.

– Вот сейчас было обидно! А как же ум, миловидность, покладистый характер?

Бабушка отмахнулась:

– Все тобой перечисленное я ценю намного ниже. Но давай вернемся к твоим заботам. В Новосибирске живет моя давняя приятельница. Ее племянник – частный детектив. Тебе ведь не нужно многого. Сфотографируй паспорт Антона, а лучше отсканируй. Отправь детективу.

– Господи, Эмма!

Бабушка рассуждала так хладнокровно, будто сама проделывала это не однажды.

– Если ты не удовлетворишь собственную интуицию, изведешь подозрениями и себя, и Антона. Все это в конечном счете для его же пользы.

Только бабушка способна так вывернуть ситуацию, чтобы частный детектив, которого я найму шпионить за Антоном, превратился в спасителя нашего брака.

– Иезуитские твои рассуждения, Эмма.

Она пожала плечами:

– Я предлагаю выход. Ты выросла человеком, инстинктивно пугающимся темных пятен. По-другому и не могло получиться – с такими-то родителями! Твой Антон говорит «тема закрыта» и считает, что повесил над воротами знак «Это мое, не суй сюда свой любопытный нос». А ты видишь над-

пись «Опасно! Яд! Радиация! Все взорвется, только мы еще не знаем, когда и при каких обстоятельствах». Все, что нужно, – подсветить пятно фонариком. И после этого забыть о нем навсегда.

Глава вторая

Окно моего номера выходило на тихий дворик, заросший черемухой. Тесная пыльная комнатка – и все же она мне нравилась. Наверное, из-за этого вида. По периметру – облупившаяся кирпичная стена, а внутри плещется зелень... Есть места, где внешняя жизнь с ее тревогами будто замирает. В комнате с черемуховым двориком было тихо и безмятежно, как в монастыре, и пока я стояла у пыльного подоконника, можно было поверить, что я не делаю ничего дурного.

Антону я соврала, что издательство отправляет меня в Нижний Новгород на семинар по повышению квалификации. Глупость ужасная! Но он проглотил ее без единого вопроса. Я взяла билет на понедельник, точно зная, что в этот день он не сможет проводить меня на вокзал.

С Ксенией все прошло куда хуже. В среду мы собирались пообедать; когда я отменила встречу, она стала расспрашивать, что случилось. Втюхать ей ту же выдумку не получилось. Ксении известно, что никаких семинаров у нас не проводится.

Пришлось сознаться.

«К частному детективу в Новосибирск? Не будь душой и сдай билеты! Потом скажешь мне спасибо».

Мы поссорились. Она наговорила грубостей и о моем безумном решении, и обо мне. Я, устав это слушать, попро-

щалась и положила трубку. Ксения перезвонила и еще минут пять отчитывала меня как школьницу, пока я не рявкнула: «Ну хватит, достала!» – и не нажала отбой, от души жалея, что не могу шмякнуть трубкой о рычаг. В заботе о моем благополучии Ксения иногда заходит слишком далеко.

Я прилетела в Новосибирск днем и сразу, не заходя в гостиницу, поехала в офис детектива. Встреча была назначена на три. Приезжать было, в общем-то, не обязательно. Отправить страницы паспорта, которые я сфотографировала ночью, пока Антон спал, внести оплату – и даже результат я могла бы получить дистанционно. Но мне хотелось увидеть человека, который будет копаться в прошлом моего мужа. Так перед плановой операцией пациента знакомят с хирургом.

В конце концов, я в любой момент могу передумать.

Эта мысль держала меня на плаву. «Ты можешь отыграть назад». Пусть я завязла в своих трусливых подозрениях и вранье, но если, увидев детектива, я развернусь в дверях, все обнулится.

Детектива звали Герман Греков. Он арендовал кабинет на первом этаже жилого дома. Я поднялась по истертым ступенькам между аптекой и продуктовым, постояла перед табличкой «Греков. Частное сыскное агентство», бормоча про себя «Ехал Грека через реку», и толкнула дверь.

Герман Греков представлялся мне похожим на оперного тенора Атлантова с выраженным средиземноморским укло-

ном. Моржовые усы, смуглая кожа... «Пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу!» Но из-за стола привстал суховатый человечек, старообразный мальчик сорока с небольшим лет. По-старушечьи поджатые губки растянулись в улыбку, и он наклонился через стол:

– Полина Андреевна?

– Здравствуйте!

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Обстановка кабинета была скучной, как в учительской. Я увидела за дверью вторую комнату, не такую приглаженную, как эта. Шкаф, чайник на тумбочке, диванчик со сложенным пледом... Заметив мой взгляд, Греков встал и прикрыл дверь.

– Ну-с, Полина Андреевна, что вас ко мне привело?

Он сплел пальцы в замок, склонил головку набок и стал похож на внимательного участкового врача. Врача-грача.

– Мой муж скрывает правду о своей семье, – сказала я, подбирая слова. – Меня это беспокоит. Я хотела бы узнать, кто его родители, чем они занимаются, где живут... Правда, у меня есть только паспорт мужа...

– Ничего-ничего, этого вполне достаточно.

Я вытащила из сумки распечатанные страницы и протянула детективу. Он выудил из кармана очки, нацепил их и вслух прочитал:

– Антон Иванович Мисевич. Та-да-дам, та-да-дам! Между прочим, знакомое лицо...

– Он вырос в Искитиме и жил в Новосибирске.

– Ну, может, встречались. – Рассматривая паспортные данные, Греков забыл о роли заботливого доктора и как-то подобрался. – Значит, родители? А братья-сестры? Бабушки-дедушки?

– Мне, конечно, хотелось бы узнать как можно больше о его семье.

– Разумеется! Наследство-то от кого достанется? От покойной бабуси! А они часто обделяют нелюбимых внучков... Надо успевать общаться, пока не поздно!

Я вспыхнула от унижения.

– Вы о чем-то своем, Герман Ильич. Меня не интересует наследство моего мужа. Только его отношения с семьей.

Он насмешливо глянул на меня, словно говоря: «Ну-ну! Видали мы таких бескорыстных!»

– Океюшки, Полина Андреевна, задачка ясна.

Его подозрения меня покоробили. Но это пакостно-ласковое «океюшки» чуть не заставило встать и уйти.

Если бы я так и поступила, все пошло бы по-другому. Я не сидела бы сейчас, прикованная наручниками к батарее.

Но уйти, когда все только начало двигаться к выяснению правды? Искать другого детектива? Вернуться и снова барахтаться в подозрениях?

– Еще мне хотелось бы знать причину их ссоры, – добавила я.

– А, они поссорились! – с глубокомысленным видом про-

молвил Греков. – И что же такое случилось?

У меня зародилось нехорошее подозрение. Что, если передо мной тривиальный дурак? Каким-то чудом его занесло в профессию, где требуется если не ум, то минимальная сообразительность, и он ухитрился зацепиться – за этот кабинет, за табличку на двери, за выщербленные ступеньки. Бабушкина приятельница клялась, что ее племянник – лучший частный сыщик во всем Новосибирске. Но если подумать, престарелая тетушка – не самая надежная рекомендация.

– Именно это мне и нужно узнать. – Я постаралась скрыть сарказм в голосе. – Что случилось, из-за чего сын прервал с ними общение.

– Да-да, понимаю-понимаю... Та-да-дам! – Он побарабанил пальцами по столу и попытался насупить брови. Маленькие коротенькие бровки поползли друг к другу еле-еле, как ослабевшие от голода гусеницы. – Ваш муж что-нибудь говорил о ссоре?

– Ни слова.

– Хоть какие-то намеки?

– Нет, ни одного.

– Так не бывает!

– Бывает, – отрезала я.

– Ну-у, тогда это дело довольно непростое!

– Поэтому я и обратилась именно к вам, – с фальшивой проникновенностью сказала я.

– Мда. Ну ладно. Кроме данных о семье, что еще вы хо-

тите узнать?

– Ничего.

Греков прищурился:

– Другие браки? Дети? Любовницы?

– Боже упаси! – Я испугалась. – Нет, про любовниц ничего не хочу знать!

Кажется, детектив огорчился.

– А дети? – с надеждой спросил он.

– Да нет у него детей!

– Все так говорят! Абсолютно все!

– А у вас есть? – спросила я.

Он сник.

– Нету. Не успел испытать счастья отцовства.

– Ну, вот видите.

Детектив поднял голову и взглянул на меня оценивающе, будто прикидывал, не со мной ли в паре попробовать испытать это счастье. Мне стало не по себе, но тут он сменил тему:

– Теперь давайте обсудим вопрос гонорара...

Кажется, он назвал сумму исходя не из сложности задачи, а из того факта, что я – москвичка. Это было дорого для меня. Но торговаться показалось еще противнее, чем безропотно заплатить, и я достала портмоне.

При виде наличных Греков определенно повеселел. Похоже, дела у частного детектива шли не блестяще.

– Та-да-дам, та-да-дам! – торжественно пропел он. – С вами приятно иметь дело! Думаю, в течение нескольких дней

все выяснится. – И, снова напустив на себя сочувственный вид, добавил: – Главное, не волнуйтесь! Берегите нервы! А с мужем вашим мы разберемся, как не разобраться, не разобраться никак нельзя, на то мы здесь и посажены...

Под его воркование я ушла.

«В течение нескольких дней» – сказал Греков. Несколько – это два? Три? Пять? И нужна ли я ему под боком или мне можно вернуться в Москву? Только теперь я поняла, как мало вопросов задала частному детективу. Мне хотелось, чтобы все исполнилось само, с минимальным моим участием.

Позвонил Антон. Мы мило поболтали. Я внутренне корчилась от стыда, выдумывая подробности наших несуществующих семинаров. Слава богу, он быстро закончил это мучение.

– Всё, Поинка, я побежал! Счастливо, пиши!

Мне не доводилось прежде бывать в Новосибирске. Казалось бы – иди гуляй! Изучай город! Ходи по музеям, сиди в кафе! Вокруг звенела весна, и воздух был напоен свежестью. Но я затворилась в своем пыльном номере и прилипла к окну.

Просидела так, пока не настало время идти на ужин. Мне не хотелось никуда выходить. Здесь время замерло. Я болтаюсь в неизвестности, как в болотной жиже, и пока меня не прибило ни к какому берегу. Вокруг лишь мутная вода и по-

нурые ветки ив.

Чего я боялась? Каких всплывших тайн? Не знаю. То мне мерещилось, что отец гнусно поступил с Антоном, а мать была его молчаливой пособницей. То я воображала Антона, совершившего такую мерзость, что родители отказались считать его своим сыном. Нервы у меня были на взводе, и когда я прочла сообщение от Ксении: «Тебя ждет неприятный сюрприз», не стала ей ничего отвечать.

– Катись к черту со своей таинственностью.

Ксения наводит тень на плетень. Пугает в надежде, что я кинусь вымаливать прощение. Мне было настолько не до нее, что я даже цветочного смайлика не послала в ответ, как делала обычно. Не успокоиться душе Ксении анимированным тюльпаном или розой в искорках.

Город окутали сумерки. Белеющие кисти черемухи превратились в скопление крошечных облаков, опустившихся на зеленый двор. Я стояла у окна, раздумывая, где бы поужинать, когда зазвонил телефон.

Поначалу я было подумала, что это Ксения. Собирается излить на меня волну возмущения за то, что я ей не подыграла.

Но на экране высветилось: «Герман Греков».

– Полина, вы еще в городе? – Греков говорил мрачно и как будто в нос. – Нам нужно встретиться. Это срочно.

– Что случилось?

– Все при встрече!

– Господи, да скажите хоть полслова! – взмолилась я.

– Не по телефону, – отрезал Греков. – Приезжайте, я в офисе.

Я тряслась в такси по разбитым дорогам и гадала, что же он разузнал. Есть люди, которые для самой пустяковой новости требуют очного разговора.

При первом же взгляде на Грекова эти подозрения вылетели у меня из головы. Герман выглядел плохо. Лицо опухло, под глазами лиловели круги. Он постоянно трогал двумя пальцами переносицу, будто проверял, на месте ли его нос.

– Заехал в травмпункт, там вправили, – сообщил Герман вместо приветствия. – Отвратительная процедура. Хуже, чем ломать.

Я опустилась на стул.

– Кто это сделал?

У меня мелькнула нелепая мысль, что нос Грекову сломал мой муж.

– Я вам все расскажу, – мрачно пообещал он. – Чаю соберите?

Все это начало приобретать характер легкого абсурда. Греков со своим старообразным личиком – поврежденным! – бессильно развалившийся на стуле; Ксения с безумными сообщениями; я, чувствующая свою неуместность в этой комнате и почему-то вину.

Я встала и занялась чаем. Все лучше, чем сидеть в ожидании, пока он соизволит рассказать подробности.

То, как хозяйственно Греков мною распоряжался, наводило на мысль, что нос ему разбили в процессе *моего* расследования. Чайник забулькал. Я нашла в шкафу коробку с пакетиками, заварила один в грязноватой чашке с отколотым краем.

– А себе? – спросил детектив, когда я поставила перед ним его чай. – Тогда еще рафинад принесите. Я только сладкий пью...

Я почувствовала себя Алисой в Стране чудес, которой командовала каждая встречная козявка. Молча принесла и рафинад, и вазочку, и чайную ложку, и салфетки.

– Из вас хорошая секретарша получилась бы, – похвалил Греков. – Не думали сменить род деятельности? Вы чем вообще по жизни занимаетесь?

Я потеряла терпение. Мне стало казаться, будто дурацкие просьбы и бестактные вопросы – лишь способ потянуть время.

– В настоящее время я занимаюсь тем, что пытаюсь узнать хоть что-то о семье моего мужа!

Греков шмыгнул носом, охнул и снова схватился за переносицу. Приложил платок и буркнул:

– А чего там узнавать! Живут в Искитиме, ведут хозяйство... Как и всю жизнь жили! Та-дам! Не ожидали? А вы торопыга такая!

Он с хлопаньем втянул в себя горячий чай. Я смотрела на него во все глаза.

– В общем, запросил я данные на вашего мужа. Это дело небыстрое. Пока все проверяют, связался кое с кем из бывших коллег. Искитим – город небольшой... Все всех знают. Зовут их... – Он сверился с блокнотом. – Макеевы. Иван Степанович Макеев – отец. Лариса Семеновна Макеева – мать. Ну и там еще братья отца, матери...

«Другая фамилия», – машинально отметила я.

– А у Антона есть родные братья или сестры?

– Сестры старшие, у каждой уж по своей семье. Детишек куча. Все поблизости живут. Там фактически частный сектор на Канатной...

– Подождите! А чем они занимаются? Отец, мать?

– Отец – шофер, мать на рынке торгует. Про сестер не выяснял. Вроде бы тоже к торговле пристроены...

– Ух ты...

Мне надо было это переварить. Большая семья! Родные сестры! У Антона уже подрастают племянники!

– Почему же он с ними не встречается?..

– С отцом поссорился, – будто нехотя проговорил Герман. – Что-то папаша там ляпнул не подумав...

– Откуда вы знаете?!

Герман снова приложил платок к носу и уставился на него, будто надеялся увидеть кровь.

– Я с ними пообщался, – пробубнил он.

– Что?

– Пообщался! – Герман понял, что от ответа ему не уйти. –

Не совсем по моей воле... Трам-пам-пам такой получился...

— Какого черта, Герман Ильич, — довольно спокойно сказала я. — Что вы мне голову морочите? Расскажите, что у вас произошло!

И Герман рассказал.

Повествование его было сбивчивым. В середине он и во все понес про сломанную на катке тридцать лет назад лодыжку, и мне пришлось вернуть его к нашей теме. История оказалась простой.

Герман очень быстро выяснил фамилию и адрес родителей Антона. Собственно, через два часа после нашей встречи информация уже была у него. «Как профессионал я был обязан взглянуть своими глазами, вы понимаете!»

Он отправился в Искитим, на улицу Канатную. Иван и Лариса Макеевы жили в собственном доме. Во дворе стоял накрытый стол, шумел семейный праздник. Герман принялся бродить вокруг, тайком фотографируя собравшихся. Зачем? Этого он так и не смог объяснить. Увлечшись своим занятием, он обошел двор Макеевых и стал снимать со стороны сарая. Самоуверенность обошлась Грекову дорого. Его схватили, скрутили и затащили в сарай.

Как позже выяснилось, частного детектива заметили мужья сестер Антона. Невнятный мелкий мужичок, фотографирующий их детей из кустов, им чрезвычайно не понравился. Ему профилактически двинули по морде, привязали к стулу и достали топорик. «Обещали пальцы отрубить по

одному, чтобы я сознался, на кого из их малышни нацелился... А у меня лодыжка ломанная, я даже сопротивляться не мог».

Страшно перетрусив, Греков выложил все обо мне и о моем задании. Даже фотографию им показал. Оказывается, он тайком снял меня, пока я сидела у него в кабинете, дрожа как банный лист.

– Умучить бы вас до смерти, Герман Ильич, – бессильно сказала я.

Господи, что за дурак!

– Зря ругаетесь, – возразил Герман. После чая он как-то повеселел. – Они, между прочим, обрадовались до неба. Тадам! Не ожидали? Выпустили меня из сарая, налили за ваше здоровье и за здоровье сыночка своего.хлопотали вокруг меня, все фоточку вашу просили рассмотреть. Муж-то ваш, оказывается, ни слова им про свадьбу не обронил!

Я скрипнула зубами.

– Мой муж с ними не общается.

– А, да-да, точно. Обидки семейные. Ну, отец с матерью на него зла не держат. Зовут вас завтра в гости.

– В гости? – ошеломленно переспросила я.

– На смотрины, ну! Да не пугайтесь так, что вы! Познакомиться они хотят. Нормальное человеческое желание.

Герман присосался к рафинаду. Я сдержала желание выбить сахарный кусочек у него изо рта ложкой, словно белый мячик – клюшкой для гольфа.

Все это уже всерьез отдавало абсурдом.

– Вам надо поехать, – внушительно сказал Герман. – Чего вы тут сидите как эта. А у людей праздник.

– Что за праздник?

– Не знаю. Какой-то. Какая разница! Это же повод, а суть – в другом!

Частный детектив разговаривал так, словно незаметно успел надраться. Я даже пригнулась, не несет ли из чашки коньяком.

– Они вас ждут! Обрадовались, как дети, когда я сказал, что сынок-то их заневестился!

– Заневестилась – это про девушку, – автоматически поправила я.

– Как так?

– Девушка достигла возраста невесты – значит, заневестилась. Просторечие.

На просторечие Герман обиделся.

– Мы, конечно, не Москва... – начал он, но я перебила:

– В котором часу родители Антона меня ждут?

– Ну, в шесть. Но сказали, что вы можете в любое время подъезжать, когда захотите. Еще уламывали меня ваш номер телефона им оставить. Но тут уж я не поддался!

Он горделиво зыркнул на меня, точно попугай из клетки, ожидающий поощрения.

– Какой вы молодец, Герман Ильич, – с сарказмом сказала я, стараясь не слишком раскатывать «эр». Геррррман хорр-

роший!

– То-то же! – Он с хрустом раскусил подтаявший сахар. – По такому поводу премию не мешало бы выдать, как вы считаете, Полина Андреевна?

Я считала, что он провалил свое задание, и высказала ему это. Меня возмутило не желание запустить руку мне в карман, а та убежденность, с которой свой провал он пытался выдать за победу, словно продавец на рынке, расхваливающий покупателю заведомо гнилую картошку. «Отличная! Сладкая!»

– Моей главной задачей было сохранить все втайне от мужа! – Ухмылка сползла с лица Германа. – Как вы теперь это представляете? Они в любой момент могут ему позвонить! Зачем вы вообще к ним полезли? Разве об этом я вас просила?

– Так вышло!

– Оно не само вышло, а вашими усилиями!

– Ну засекли меня... Что я, виноват?

– Да, черт возьми, вы виноваты!

– А вы голосок-то не повышайте, не повышайте!

– Даже проследить за ними толком не смогли... Частный детектив, тоже мне!

– Вам бы угрожали пальцы порубать, я бы на вас посмотрел!

Герман обиделся.

– Может, у них и номера вашего мужа нету, – запальчиво

выкрикнул он. – А вы уже трагедию развели!

– А если есть? И у вас еще хватает наглости выпрашивать премию!

Герман сердито забубнил что-то. Я не слушала.

– Диктуйте адрес!

Все катилось кувырком. Семья моего мужа ждет меня завтра к шести... Ерунда какая-то. И еще этот топор! Черт знает что натворил Герман. Если он, конечно, не врет.

Выйдя от частного детектива, я села прямо на ступеньки.

Родные Антона знают о моем существовании!

Что же мне делать?

Вокруг катались кругами дети на велосипедах. Хриплый мужской голос звал: «Ку-уся! Ну Куся!» Куся оказался старым подслеповатым ротвейлером, заблудившимся в трех ку-стах. Я провожала глазами его вислый черный зад, пока они с хозяином не скрылись за углом.

Если уж падать в кроличью нору, так до самого дна. Нет смысла застревать на середине полета.

* * *

Я надела длинное трикотажное платье. Выбор, собственно, был невелик. Или джинсы с футболкой, или спортивный костюм, или платье на пуговицах, которое можно носить как кардиган, если не застегивать. Темно-синий спортивный костюм – условно спортивный, конечно же, – выглядел стиль-

но. В Москве я могла бы пойти в нем куда угодно, кроме театра. Но для знакомства с родителями моего мужа он не годился.

Платье делало меня похожей на учительницу начальных классов. Я нацепила очки, подаренный Антоном кулон, и сходство усилилось. Не самый плохой вариант. Скромно, старомодно. Разве что кроссовки с ярко-синими шнурками несколько портили образ. Но другой обуви не было.

Герман припомнил, что семья праздновала день рождения одной из младших девочек. «То ли пять лет, то ли шесть...» Я купила игрушечного пони с голубой гривой и книжку стихов Новеллы Матвеевой с прекрасными иллюстрациями Макавеевой.

– А вот еще замечательные стихи! – воодушевленно сказал продавец.

Он сунул мне тонкую книжку. На картонной обложке был нарисован рахитичный щенок с выпученными глазами, вокруг которого водили хоровод лесные звери. Примитивная компьютерная иллюстрация: пластиковая размазня вместо цвета, грубый фотошопный градиент. Предметы и фигуры словно вырезаны по контуру, а затем вклеены в общее пространство.

Перевернув первую страницу, я прочитала:

– «Вот щеночек одинокий, у него усы как пух! Ты возьми скорей щеночка, ну а лучше сразу двух».

Молча вернула книжку. Ненавижу современные халтур-

ные поделки. Вот писатель одноногий, у него мозги как пух, пристрели его, читатель, ну а лучше сразу двух.

— А собачка-то на вас похожа! — заискивающе сказал продавец.

Я представила, как вокруг меня соберутся в хоровод все эти Антоновы сестрицы, мужья с топорами, папы с огородами, собаки на лежанках и дети на руках, а я буду сидеть среди них, выпучив глаза... И засмеялась так, что продавец испуганно отошел.

* * *

Воздух на улице Канатной пах скошенной травой. Там, где пахнет скошенной травой, не может происходить ничего плохого, правда же? С одной стороны к заасфальтированной дороге подступали деревья, с другой за палисадниками и заборами виднелись шиферные крыши.

Я отпустила такси и пошла пешком. Мне хотелось осмотреться.

В траве возились куры. Неподалеку от них развалилась кверху брюхом грязно-белая дворовая собака. При виде меня она грозно пошевелила ушами и обмякла.

Из крыши Макеевых росли антенны, как сорняки. Перед окнами прижались боками грязная «Нива» и уазик.

Я до последнего сомневалась, стоит ли ехать. Потом новосибирский таксист заплутал в Искитиме, и на Канатной я

оказалась, когда часы показывали семь.

Из глубины двора доносились детские вопли и мелкое собачье тьяканье. «В любой момент можно будет уйти», – безо всякой уверенности сказала я себе и толкнула калитку.

На крыльце сидел с сигаретой мужчина лет шестидесяти в спортивных штанах и выцветшей футболке. Он вопросительно уставился на меня, а я – на него. Мы оба не произнесли ни слова. Приглядевшись, я поняла, что он похож на Антона, только постаревшего, обрюзгшего и как будто накачанного изнутри воздухом.

– Простите, вы – Иван Макеев?

– Ну, я Макеев. А кто спрашивает?

Я замялась. Он поднялся, прищурился, вглядываясь в меня. И вдруг заорал:

– Мать! Ма-а-ать! Иди скорее сюда!

Из дома выскочила полная женщина в платке и фартуке и напустилась на него:

– Чего орешь-то? Лиза уснула!

– Я один, что ли, ору? Полон дом народу. Да иди буди ее! Только ночной сон перебьет!

– Не твое дело, чего она перебьет!

– Хорош препираться! Гостья к нам приехала! Полина! Верно я говорю, ведь Полина?

Я кивнула и улыбнулась.

Женщина всплеснула руками, стащила с головы платок, налетела на меня, обняла и расцеловала в обе щеки. От нее

исходил уютнейший запах – жареное мясо, приправы, отварная картошка с укропом...

– Господи, радости-то, радости! А я мама его, Лариса Семеновна! – Она обернулась к мужу: – А ты чего встал? Иди скажи нашим! Полина, пойдем! Уже не думали, что ты приедешь! А ты взяла да приехала, вот молодец какая!

Приобняв за плечи и не переставая тараторить, она завела меня в дом. Посреди комнаты стоял накрытый стол, плотно облепленный сидящими людьми. Мне показалось, их не меньше двадцати.

– Антошина жена к нам пожаловала! – провозгласила, сияя, Лариса.

В «Неуловимых мстителях» есть сцена, где скованного Даньку с жандармами встречает цыганская свадьба. В кадре мельтешат смуглые лица, косматый медведь, красная рубаха, монисто; взлетают пестрые юбки, трясут распущенными волосами цыганки...

После слов Ларисы Семеновны я очутилась в той самой сцене. На меня обрушился шквал голосов. «Жена! Его жена!» Меня тискали, передавали из рук в руки, требовали выдать, где их мальчик, и немедленно привезти его сюда. Не покидало чувство, будто я попала в лапы к очень слюнявому, но исключительно добродушному лабрадору. Мелькали загорелые лица, потные плечи, золотые зубы, завитые челки... Наконец среди хоровода взрослых появился чей-то детеныш, маленький, кудрявый, с изумленными глазами, и

обнял меня за колени. Я подхватила малышку на руки.

– Привет! Ты кто?

– Я Лиза. А тебя как зовут?

– Полина! У меня для тебя есть подарок, Лиза.

Девочка обрадовалась и книжке, и голубогривому пони.

А я, пока вручала подарки, получила небольшую передышку от жарких объятий.

Меня усадили на почетное место, по правую руку от Ларисы Семеновны.

– Ну как там наш?

– Не устал от московской жизни? Красавчик, хорошо пристроился!

– Кем трудишься, Полина?

– Да что вы насели-то на девку? Дайте ей хоть курицы пожевать! – вмешался Иван Степанович.

По дому разнеслось тревожное – «...курицы, курицы, курицы!» Точно вся семья призывала магическую птицу коллективным заклинанием. Лариса принесла форму, до половины заполненную жиром и маслом. В этой пахучей смеси плавала запеченная курица, желто-коричневая, как приморские продавцы кукурузы.

Мясо оказалось восхитительным.

– Еще вчера по двору бегала! – сообщил отец Антона, одобрительно наблюдая, как я расправляюсь с ножкой. – Во! Нормальный аппетит! Не то что эти бледные немочи...

Он кивнул в сторону сестер Антона. Молодые женщины,

шумные, говорливые, краснощекие, в клипсах и крупных бусах. Обе очень похожи на мать. При одной, как приклеенный, держался сутулый парнишка с выпирающим кадыком. Я не сразу поняла, что это не сын, а муж. Возле другой сидел крупный нескладный мужчина с лицом серым и тусклым, как рукомойник, и обгладывал куриные косточки. Он не отвлекался ни на кого. Горка рядом с ним росла и росла. Косточки были объедены до того чисто, что казалось, будто он выполняет непростую ответственную работу.

Я мысленно прозвала его стахановцем. Кроме сестер Антона с мужьями в доме собрались многочисленные дяди и тети. Мне всех представляли, наливали, пили за знакомство, за здоровье, за встречу и за именинницу, листавшую под столом подаренную книжку... Но по имени я запомнила только одного из родственников: смуглого, костлявого, кривого, как ятаган. Он следил за мной недобрым взглядом. Этот человек мне сразу не понравился.

– Брат мой двоюродный, Григорий, – представил его Иван Степанович.

Григорий сделал вид, будто разговаривает с соседом по столу. Но я заметила, что он продолжает наблюдать за мной.

Остальные вернулись к застольным разговорам и выпивке.

Это меня и выручило. Первые полчаса я была очень напряжена. Еда застревала в горле. Я выпила две рюмки водки вместе со всеми – отказаться было невозможно, – но они

не слишком-то действовали. Меня терзал страх, что дверь вот-вот распахнется и в комнату войдет Антон.

Однако семья вела себя так, словно я была их потерянной родственницей. Они убедились, что со мной все в порядке, и снова позабыли обо мне.

Разговоры за столом велись приземленные. В одном углу кто-то выгодно продал машину. В другом спорили о рецептах блюд из баклажанов. Напротив меня женщины скучно болтали о праздниках в детском саду. Сотрапезники почти кричали, перебивая друг друга. От шума и от выпитого я упустила нити всех бесед. Вокруг меня билась чужая жизнь, а я была как прибрежный камень, омываемый пенистыми волнами.

– Ну расскажи, Полина, как там Антоша, – попросила Лариса Семеновна.

– Про детишек не забудь спросить! – подмигнул ее муж. – Планируете детишек-то, а? Запузырит тебе сынок пару-тройку пацанов?

В другой ситуации меня покорило бы его вопрос. Но я понимала, что в этот мир бессмысленно соваться со своими представлениями о деликатности. В конце концов, это не они заявили ко мне домой.

Я рассказала про работу Антона. О том, что мы расписались, но свадебную вечеринку хотим провести летом, в конце июля. О детях еще не думали. Сначала хотелось бы заработать на квартиру попросторнее...

Смуглый Григорий незаметно, как ему казалось, встал за моим стулом. Прикидывался, будто роется в шкафу, но на самом деле прислушивался к нашему разговору.

– Молодцы, ребятки, так и надо! – с убежденностью сказал Иван Степанович. – Сначала на ноги встать, потом и рожать!

У меня отлегло от сердца. Я боялась, что на меня насядут с традиционной агитацией про зайку и лужайку.

С губ матери несколько раз срывалось имя человека, которого явно не было за столом. Мне было неловко спрашивать, о ком идет речь. Отец Антона бросал на жену такие взгляды, что она прикусывала язык. Похоже, семья рассорилась не только с младшим сыном.

Эти безмолвные стычки показали, что матриархатом здесь и не пахнет. Главой и дирижером происходящего был отец Антона. Иван Степанович говорил немного, но контролировал все, что происходит за столом. Как и я, он заметил маневр двоюродного брата. Тяжело зыркнул в его сторону – и, подчиняясь этому взгляду, Григорий нехотя убрался на свое место.

Но со мной хозяин дома разговаривал так мягко, что я осмелела.

– Простите, если это болезненная тема... Но на что обиделся Антон?

Мать вздохнула.

– А на меня, – прямо сказал Иван Степанович. – Мы с ним расплевались. Я брякнул, что ему надо возвращаться в

Искитим, а не лимиту из себя корчить.

– Ну, ты и порезче кой-чего сказал, – с упреком добавила Лариса Семеновна.

– Да выпимши был!

– Выпимши!

– Характер не в семье надо показывать, а на работе! Ладно, носом-то не хлюпай. Позвоню, извинюсь.

Я не могла поверить, что все разрешилось так просто. Один-единственный разговор! Сколько же я накрутила вокруг обычной обиды.

– Ну, на ночь-то останешься, дочка? – спросил отец, сощурившись. – У нас, правда, быт самый простой. Но тебе целую мансарду выделим. Будешь спать по-королевски! Гороху только под матрас не забудь насыпать, мать! – Он подмигнул жене.

– Я и без гороха вижу, что сыну досталась принцесса.

Какие же они оба были милые! И пухлая растрепанная Лариса Семеновна, с гордостью смотревшая на мужа. И Иван Степанович, так легко включивший меня в круг семьи.

– С радостью останусь! – искренне сказала я.

Вокруг с визгом носилась малышня. Девчушка лет пяти схватила меня за руку и потребовала:

– Отведи меня в туалет!

– Любаша, я с тобой схожу! – вмешалась Лариса Семеновна.

Но девочка уперлась:

– Хочу с тетей!

– Упрямая ты какая! Ну ладно. Как выйдешь, Полина, поверни налево и иди до конца коридора. Там еще один поворот – и увидишь.

Девчушка крепко вцепилась в мою руку. Коридор был длинный и темный. Я бы не удивилась, выведи он к деревенскому сортиру. Но нас ждала комнатка с бледно-голубым унитазом.

– Не уходи! – приказала малявка и прикрыла дверь.

Я дождалась, когда она вымоет руки и справится с завязками на своем платье, и повела ее обратно.

– Ты знаешь дядю Антона? – спросила я.

Девочка помотала головой.

Ну конечно. В таком возрасте малыши редко интересуются взрослыми родственниками. Я поймала за руку подростка лет пятнадцати, спросила, помнит ли он Антона, но тот лишь пожал плечами и ушел.

Мне хотелось, чтобы все вокруг рассказывали об Антоне. Как не хватало этих смешных семейных историй! Для меня муж был человеком без прошлого, без близких. Без детства и юности. Без школьной учительницы. Без ссор и дружб в детском саду, которые почему-то запоминаются на всю жизнь.

Его выдали мне взрослым. Молчаливым, обаятельным. Любящим.

Но этого было недостаточно!

Я сообразила, что у мамы Антона наверняка где-то валя-

ется альбом с семейными фотографиями.

Но когда мы с малышкой вошли в комнату, я сразу позабыла о фотоальбоме. Возле моей сумки, которую я положила на подлокотник кресла, стоял Григорий. Сумка была широко раскрыта. Он копался в ней. Стоило нам войти, как девочка завопила во все горло; Григорий вздрогнул, оглянулся и торопливо сунул что-то в сумку.

Из большого отделения торчал паспорт. Я точно помню, что, выходя из гостиничного номера, положила его в кармашек и застегнула молнию.

Зачем этот человек рылся в моих документах? Я переложила вещи, закрыла сумку и непроизвольно прижала к себе. Хотела рассказать о случившемся родителям Антона, но те были увлечены разговором. Постепенно неприятное чувство меня отпустило. Григорий незаметно исчез. Время от времени в дверях мелькало его длинное черное лицо, но он сразу пропадал.

Дети втянули меня в игру. К нам подключились сестры Антона. Мы болтали, смеялись, пили... Я не заметила, как вечер перешел в ночь. Случайно взглянула в окно и изумилась: небо усеяно звездами. У меня сорвалось восхищенное:

– Смотрите, смотрите!

Все столпились у окна.

– Э-э, да тут всегда так, – сказал кто-то, поняв, на что я показываю. – Это в Москве вместо звезд фонари.

Все добродушно рассмеялись.

Мне подливали вина в течение всего ужина, и я понимала, что изрядно опьянела. Но куда сильнее на меня действовала обстановка этого вечера. Детские голоса, улыбки Ларисы Семеновны... Во всем, что творилось вокруг, была открытая, грубоватая радость – от того, что все собрались вместе, что можно выпить, не думая о завтрашнем утре, и малыши играют под ногами, и сестры подтрунивают над мужьями... Господи, как все-таки здорово быть частью большой семьи! Я, кажется, даже прослезилась от умиления.

В сумке зазвонил телефон. Антон! Здесь половина двенадцатого, значит, в Москве половина восьмого, а я до сих пор ничего ему не написала...

– Антон, привет! – Я вышла из комнаты.

– Привет! Все в порядке? Я только вернулся с работы, представляешь?

Ноги сами вынесли меня из дома на крытый двор. В соседнем закутке копошились куры. Пахло сеном и пылью. Ветер доносил с улицы запах скошенной травы, подсохшей на жару.

Я вдруг поняла, что больше не могу врать.

– Антон, послушай! – Я перебила его на полуслове. – Мне нужно тебе признаться. Прости меня, пожалуйста! Я приехала к твоим родителям...

Я выпалила это все на одном дыхании.

– К кому ты приехала? – странным голосом переспросил Антон.

Я глубоко вдохнула:

— К твоим маме и папе. Я сейчас в Искитиме. Вся твоя семья здесь. Празднуют день рождения Лизы, твоей племянницы. Антон, прости меня, пожалуйста! Они совершенно чудесные, а твой папа сказал, что зря тебя обидел, он будет звонить и просить у тебя прощения, а мама...

— Полина, замолчи.

Сказано это было так, что я осеклась. Тихо, яростно, и голос был совершенно не Антонов.

— Слушай меня внимательно... — Он заговорил быстрее. — Рядом с тобой кто-то есть? В одном помещении?

— Н-нет... Я одна... Вышла из дома, когда увидела твой звонок...

— Полина, быстро уходи оттуда. Сейчас же!

— Я не понимаю, почему...

— Потому что мои родители погибли десять лет назад, — отчеканил Антон. — Они похоронены на Клешихинском кладбище. У меня нет других родственников, кроме них. Я не знаю, что это за люди, к которым ты попала. Ты меня слышишь?

Я молчала, оцепенев.

Что он говорит?

Папа с мамой? Кладбище?

На меня напал ступор. Я не могла совместить этот вечер и то, что твердил мне Антон.

— Полина, хорошая моя... — Я слышала по его голосу, что

он до смерти перепуган. – Не возвращайся в дом. Ни с кем не разговаривай. Прямо сейчас, немедленно – БЕГИ.

Глава третья

Я поверила ему сразу и безоговорочно. Сумка, к счастью, была при мне. Я не хотела оставлять ее в комнате, куда мог зайти Григорий, и взяла с собой.

Но мои кроссовки – в прихожей. Отец Антона выдал мне пушистые белые тапочки.

Отец Антона? Господи, да в нем было не больше сходства с моим мужем, чем в любом прохожем! Я вообразила это сходство. Дорисовала картинку.

И малышка! Девочка, которая не знала никакого дяди Антона! Как и тот подросток...

И странные взгляды, которые бросал на меня Григорий!

Все недомолвки сложились в общую картину, и стало ясно: меня сюда заманивали. Заболтали, отвлекли фальшивым дружелюбием...

С меня разом слетел хмель.

Если я вернусь и попрошу Ларису Семеновну показать школьные фотографии Антона, она найдет убедительный повод отказать. Сгорел альбом, или остался в другом доме, или погрызла собака... Сойдет любая чушь! Я выгляжу в их глазах такой душой, что они не будут особенно утруждаться.

Но зачем этот спектакль?

Телефон снова пискнул. Высветилось сообщение от Антона: «Звоню в полицию. Напиши адрес».

«Не надо. Я сматываюсь».

Я отключила звук, чтобы писк телефона не выдал меня. Сбросила тапочки и босиком прокралась из двора на улицу.

На улице горели фонари, вдалеке брехали собаки. Из распахнутых окон звучали пьяные голоса, перебивавшие друг друга. Недавнее умиление казалось глупым и жалким. Как я могла подпасть под очарование этой компании? Вспомнилось про «запузырить пацанов». Меня передернуло от омерзения.

Соображала я быстро и относительно хладнокровно. Обогнуть дом по внешней стороне, зайти в прихожую через наружную дверь. Лишь бы ее не заперли изнутри. Обуть кроссовки – и бежать.

Опасность обострила чувства. Я слышала, как возится кошка в траве за забором. Улавливала потную вонь от мужчины, присевшего на подоконник лицом в комнату. Широкая красная спина, обтянутая белой рубашкой, выглядела как ветчина в тонком слое подтаивающего сала.

Тихо ступая, я миновала спину. Проскользнула под вторым окном, присев на корточки. Лодыжки и запястья куснула крапива.

– А эта-то где? – донеслось до меня.

– Вроде поссать вышла.

Разговаривали за углом. В одном из говорящих я узнала Григория. Ветер донес запах сигаретного дыма.

– Надо чего-то делать с ней. – Снова Григорий.

– Да брось. Не суйся, без нас разберутся.

– Знаю я, как они разбираются...

Я вжалась в стену. Над босыми ногами вились комары, кожа отчаянно чесалась, но я стояла, замерев. Впереди – угол дома, где на крыльце курит Григорий с каким-то родственником. За спиной – распахнутые окна.

Темноту прорезал летящий окурочок и тихо пшикнул, попав точнехонько в бочку с водой.

– Твое счастье, что Лариса не видит.

– Не нуди, Гриш... Пусть бабы нудят.

Скрипнули ступеньки. Мне послышался щелчок задвижки, и сердце у меня упало. Босиком далеко не убежишь. Битые стекла вдоль дороги, ржавые гвозди, щебенка...

Но когда я, выждав несколько минут, поднялась на крыльцо и потянула за ручку, дверь поддалась.

В прихожей было темно. Я посветила телефоном и нашла свои кроссовки в груде детской обуви. Обулась, затянула шнурки. Голоса как будто стали ближе. Сердце колотилось, каждую секунду я ждала, что вот-вот кто-то заглянет сюда и поднимет крик.

Тщательно заправила шнурки, чтобы не развязались при беге. Открыла карту, но она слишком долго загружалась, а ждать было рискованно. Выскользнула за дверь, кинулась к калитке и минуту спустя уже шла по дороге в том направлении, откуда привез меня таксист.

Мертвенный свет фонарей пугал. Если будут преследо-

вать на машине, догонят в две минуты, – и я свернула в тень деревьев.

Ночной лес накинудся на меня, как бродячий пес. Я исцарапала лицо и руки. Вокруг стрекотало, трещало, ветки стреляли под ногами... Наконец меня вытолкнуло, вышвырнуло из леса наружу – и я оказалась у реки.

Пахло тиной. Плескалась волна. На другом берегу горели костры, и по реке бежала мелкая красноватая рябь. Поблизости сидели рыбаки. Я слышала их негромкий, какой-то уютный матерок.

В первое мгновение я чуть не бросилась к ним. Там мне помогут! Но здравый смысл возобладал. Что это за люди? Чего от них можно ждать? А если это соседи Макеевых, и они отведут меня обратно?

И кто такие Макеевы на самом деле?

Все это не укладывалось в голове.

Впрочем, прямо сейчас передо мной стояла лишь одна задача: выбраться из Искитима живой.

Я пошла по берегу в ту сторону, где был мост. Я в заречной части города; мне нужно в центр. Там я смогу позвонить Антону, поймать такси и вернуться в свой отель.

Вскоре мост показался впереди. Телефон взорвался сообщениями и неотвеченными вызовами от Антона.

– Все в порядке, я возвращаюсь, – сказала я, набрав его. – Только батарея скоро сядет.

Он засыпал меня вопросами. Где я? Далеко ли мне до го-

стиницы? Вызвать ли полицию?

– Я прилечу за тобой! Не выходи из номера, первым же самолетом буду в Новосибирске.

– Не говори ерунды, – устало сказала я. – Завтра уже вернусь в Москву.

Я убедила его, что все в порядке, и нажала отбой.

Мост я перешла пешком, а дальше меня подобрал какой-то словоохотливый таксист. По пустой ночной дороге мы быстро домчались до Новосибирска. Я ехала и думала, что снова соврала Антону. Ни в какую Москву я завтра не полечу. Хочу разобраться, кто эти люди и зачем я им понадобилась. Для начала напишу заявление в полицию...

Мы как раз проезжали по улице, где снимал офис Герман Греков. Мне почудился свет в его окне.

– Остановите здесь! – попросила я водителя.

Частный детектив Греков! Совравший, что он нашел родственников моего мужа. Подтолкнувший меня в их теплые объятия. Какую роль он играл в происходящем?

Да, сейчас ночь, но он, возможно, сидит за бумагами. Или дремлет на диванчике, укрывшись пледом.

Я не уйду отсюда, пока не услышу от него объяснений.

В тот миг мне не пришло в голову, что заявляться к Грекову может быть попросту опасно. Во мне кипел гнев. Как пульс, билась злая нервная мысль: «Пусть мне хоть кто-нибудь хоть что-нибудь объяснит!»

Окна горели вовсе не в кабинете Германа, а в соседней

квартире. Я постояла, глядя на опущенные металлические жалюзи. Полупьяненький ночной прохожий обошел меня, скривив и без того кривой рот. Опустив взгляд, я увидела, что подол платья весь в затяжках. Вещь была безнадежно испорчена. Кроссовки в грязи.

Я все-таки поднялась по ступенькам. Подергала ручку, и внезапно дверь открылась.

– Герман Ильич!

Никто не отозвался.

– Герман, елки-палки!

Я щелкнула выключателем и увидела себя в зеркале. Всклокоченные волосы, дикий взгляд. На щеке – царапина.

Свет из крошечной прихожей рассеивал темноту в кабине. Я заглянула туда и увидела Грекова.

Частный детектив лежал в кресле, будто отдыхал. Рану на его шее в сумраке можно было бы принять за очень широкую ухмылку – от уха до уха.

Сердце у меня как будто выключилось, а потом забилось очень быстро: тук-тук-тук-тук. Словно поезд побежал по шпалам. Поезд через реку Бердь.

Я заставила себя включить свет. Никогда еще мне не было так страшно. Светильник вспыхнул, и стало видно, что и серая рубашка Германа, и стол, и документы на столе, и даже раскуроченный системный блок компьютера – все залито его кровью.

Ехал Грека в вагончике над рекой. Увидел рака. Высунулся из окна глупый Грека, склонился над водой, и рак располрол ему горло своей клешней. Поезд едет – тук-тук-тук – и мчит мертвого Греку все дальше.

Веки Германа были прикрыты. Если б он смотрел на меня, я бы, наверное, потеряла сознание на пороге комнаты.

Не сводя глаз с трупа, я попятилась. У меня не хватило духу выключить свет, словно в темноте мертвец мог встать и пойти за мной. Я вывалилась наружу. Голова кружилась, к горлу подкатывала тошнота.

Свежий ночной воздух привел меня в чувство. Я быстро уходила прочь от офиса Грекова, думая только об одном: мне нужно уезжать из Новосибирска. Немедленно!

Мысль о том, чтобы обратиться в полицию, предстала тем, чем она и была с самого начала: вопиющей глупостью. Бежать, бежать! От фальшивых родителей Антона, от убитого частного детектива, от всей этой безумной мути... И никакой полиции, если только я не хочу стать обвиняемой в преступлении. Никого здесь не будет интересовать отсутствие у меня мотива.

Отпечатки на выключателе!

Но вернуться в офис Грекова я была не в силах.

Добравшись до отеля, я кинулась проверять рейсы. Билеты на ближайший, вылетающий через три часа, были раскуплены. Пришлось взять на следующий. Затем я позвонила Антону, пообещала, что прилечу завтра, – и мгновенно уснула,

даже не раздевшись.

Кошмары меня не мучили. Только иногда в бессюжетное сновидение всплывал золотозубый оскал одного из гостей на вчерашнем «празднике», будто улыбка Чеширского кота, и медленно таял, мигнув напоследок фиксой.

* * *

Антон встречал меня в Шереметьеве. Весь полет я держалась. Но увидев его – бледного, перепуганного, взъерошенного, – не выдержала и разревелась. Антон стиснул меня с такой силой, что я чуть не задохнулась. Рывкнул на какого-то мужика, который сунулся к нему, подхватил сумку и до самой машины держал мою руку так крепко, словно я была ребенком, который мог потеряться в толпе.

В такси мы ехали молча. Но стоило нам войти в квартиру, Антон обессиленно рухнул на диван.

– Никакого оправдания себе найти не могу. Прости меня, пожалуйста.

Я села рядом.

– Расскажешь?

Подсознательно я ожидала чего-то подобного. «Макеевы» возникли, когда я стала копаться в прошлом Антона.

– Расскажу. Это надо было сделать четыре месяца назад.

– Дай только вымоюсь...

Я побросала одежду прямо на пол и долго стояла под стру-

ями душа. Потом прошлась по комнатам, возвращая себе ощущение дома, ощущение безопасности.

Мой старенький призрак – пальто с чужого плеча. Мягкая шероховатость ткани под пальцами. Любимая чашка, подаренная бабушкой, – прохлада фарфора. Мои шторы, мои книги, даже пыль на полках – все возвращало меня к себе прежней. Живущей без страхов, без подозрений. Без лжи.

– Я тебе врал, – сказал Антон. – Насчет родителей и насчет моего прошлого. Прости меня.

– А я тебе соврала насчет семинаров от издательства. – Я села в кресло и потерла лоб. – Все, хватит извиняться. Теперь объясни, пожалуйста, с чем мы имеем дело.

Антон вытащил из кармана моего пальто сигареты и зажигалку. Приоткрыл окно.

– У меня в юности был дружбан по прозвищу Кондрат. С восьмого класса терлись вместе. Я-то человек простой: мама – уборщица, папа – алкаш... А у Кондрата папаша занимал хорошую должность в администрации. Деньги у них водились. Я после школы поступил в НГУ – это университет наш новосибирский. На факультет информационных технологий. А Кондрата папаня взял под крыло. Типа, он и так умный, куда ему еще учиться.

Я постаралась не выдать своего изумления. Факультет информационных технологий?

Антон продолжал рассказывать:

– Тяжело было первые два года, но интересно. Прямо дру-

гая жизнь мне открылась... Ладно, это так, лирика. В общем, когда я был на третьем курсе, мать слегла. Я поговорил с врачами, почитал в интернете про ее диагноз, понял: нужны деньги. Не через пять или шесть лет, а прямо сейчас. Иначе никакой матери не будет. А я ей должен по гроб жизни... Она пахала, чтобы оплачивать мне репетиторов. Школа в Искитиме была ничего, но поступить после нее в универ – анриал. Короче, мать меня тащила на горбу, пока батя блевал на лестничных площадках. Мама же за ним потом и подтирала. – Он с шумом выдохнул. – У меня от отчаяния в голове как будто моторчик заработал. Я пришел к Кондрату, говорю: так и так, есть проект бизнеса. Выйдем на самоокупаемость через три месяца, по моим прикидкам. Однако нужны первоначальные вложения. У меня – ни копейки. По друзьям могу насобирать кой-чего, но это всё равно ни о чем. Кондрат сначала врубил скептика на полную, но послушал меня и прямо заинтересовался. Даже отца позвал.

– А что ты придумал?

– Студенческие прачечные. У нас в общежитии вечно была проблема – где постирать шмот. А студенческие городки – они же большие! Ну, ты представляешь. Найти помещение – элементарно! Я обнаружил, пока шлялся вокруг, минимум три подходящих. Просторные подвальные комнаты, вода подведена, электричество есть... Даже при минимальной ставке за стирку все вложения должны были отбиться за три месяца. А потом прачечные начали бы приносить прибыль.

У Антона загорелись глаза. Я смотрела на него – и видела юношу, вчерашнего мальчишку, который метался по городу в поисках решения. Не удивительно, что ему удалось заразить своим энтузиазмом и школьного приятеля, и его отца.

– Мне удалось их убедить. Папаша Кондрата договорился с ректором – на это я даже не рассчитывал. Все завертелось очень быстро. Уже через год у нас были четыре прачечные, и мы собрались открыть пятую. Назвали сеть «Постибочная». На заработанное отправить мать лечиться в Германию я не мог, сама понимаешь. Мы были мелкие бизнесмены, карманные... – Он грустно улыбнулся. – Но появились деньги на оплату сиделок в больнице. Чтобы протерли маму, перевернули, вовремя дали попить... У нас ведь прежде и этого не было. Мы жили в съемной халупе, потому что квартиру папаша пропил. Через полтора года после того, как открылась первая прачечная, мама умерла.

– Умерла?

Я не ожидала такой развязки. История борьбы должна была закончиться победой. Совместной радостью матери и сына, сумевших отогнать смерть.

Как сильно во мне проросли книжки с хорошим концом...

– Воспаление легких – и ушла за неделю. Я занимался похоронами – отец лыка не вязал. Дома лежали деньги на поминки, я оставил в шкафу, растяпа... Он их стырил под шумок. Маму похоронили, я вернулся в универ. Через пару недель стало ясно, что учиться больше не могу. У меня в го-

лове были не мозги, а поролон. Однокурсники пытались помогать – не-а, ничего не сработало. Я просто отупел.

Присев ближе, я молча погладила его по руке.

– Единственное место, где у меня работала соображалка, – это в наших прачечных. В институте все время помнил про маму. А когда начинал крутиться в делах – забывал. Ну, забывал, что она умерла. Понимаешь? Декан подписал мне академ. Я взял денег взаймы и все вложил в новый проект: сеть кальянных. Он тоже выстрелил. Академ закончился, но в универ я не вернулся. Крутился в бизнесе, не останавливался ни на секунду. Каждую копейку вбрасывал в дело. От армии только пришлось откупиться... Да и то – мне так жалко было денег, что, если бы было на кого оставить бизнес, ушел бы служить, честное слово. Прикинь, каким стал скупердяем!

Я улыбнулась, но сердце болезненно сжалось. Антон и в самом деле не очень охотно тратил деньги. Помню его взгляд, когда он узнал историю пальто-призрака. У него не укладывалось в голове, что можно выкинуть несколько тысяч на вещь, которая будет висеть на манекене.

Наша единственная серьезная ссора тоже была связана с деньгами. У меня было кое-что на банковском счету. Маленькая подушечка безопасности. Коллега попросила в долг, и я дала, не раздумывая. Антон, узнав об этом, сделал мне выговор. «Чем ты думала? Она никогда не вернет тебе деньги! Ведешь себя как избалованный ребенок!» В конце кон-

цов я огрызнулась, что это мои деньги, а не его, и коль скоро я их зарабатываю своим трудом, мне и решать, как ими распорядиться. Антон притих и долго извинялся.

Я еще тогда поняла: на него изредка что-то находит. Может быть, призрак голодного детства пугал его?

Теперь ясно, что дело не в детских страхах. В голове у Антона навсегда осело, что мать умерла, потому что они были бедны.

– Через четыре года бизнес шел так хорошо, что я стал подумывать насчет франшизы. Ко мне подкатывали кое-какие люди из Екатеринбурга... Деловые, вполне серьезные. Я навел справки. Перспективы открывались такие, что дух захватывало. Но тут объявились новые люди. Уже не из Еката.

Он замолчал.

– Милый, я не понимаю...

Антон глубоко затаился и швырнул окурок за окно.

– Ну, если вкратце, мне предложили делиться. Честный раздел... – Его губы искривила болезненная ухмылка. – Мне – ничего, им – все. В порядке большой милости они соглашались поставить меня менеджером в одной из кальянных. У меня внаглую хотели отжать бизнес, Поинка. Ничего не стеснялись. Кондратьевского папашу к этому времени поперли со службы, так что заступиться за нас было некому.

– Ты согласился?

– За кого ты меня принимаешь? Я отказался. Ну и... в общем, чтобы долго не рассусоливать, скажу сразу: Кондрат

меня сдал. Ему оставили одну прачечную, и в обмен он написал явку с повинной – типа, мы мутили с налогами. У нас в стране посадить можно любого. Весь мелкий бизнес ходит под уголовным кодексом. Все деньги просадил на адвокатов, а надо было просаживать на взятку судье. Хотя... – Он обреченно махнул рукой. – Я по глазам ее видел, что она все понимает. Но на три года закатать меня ей это не помешало.

– Тебя отправили в тюрьму?

– В колонию. Да. Знаешь, в каком-то смысле мне там стало проще, чем на воле. Я здорово замучился за те полгода, что бодался с беспредельщиками. На самом деле не бодался, а брыкался в петле, но это я понял задним умом... А в колонии ничего не надо решать, ни о чем не надо думать. За тебя уже все решили и подумали. Срок мне дали небольшой, потому что доказательства были ну совсем ерундовые. Я книжки всякие читал. На исповедь ходил к священнику... Хотя это уж больше так, за компанию. У меня там завелся приятель. Простой такой парень, добродушный... Без второго дна. Он по дурости связался с натуральными уголовниками. Они впятером грабанули инкассаторскую машину. Громкое было дело – может, слышала? В две тысячи пятнадцатом. Прямо посреди Новосиба.

Я покачала головой.

– Бандиты с инкассаторами перестреляли друг друга. В заварушке кто-то ухитрился стырить деньги. Все считали, что это Олег. Он единственный удрал, но его все равно потом

взяли, однако установить, где он шарахался трое суток, не смогли. Значит, он-то бабло и прикопал.

– А это правда был он?

– Слушай, я его не спрашивал. О таком вообще-то не говорят. Олег и без того был дерганый, всего боялся. Каждую ночь ждал, что придут его пытать о деньгах. А я так мало этим интересовался, что он ко мне прилип, как репей. Почувствовал, что я для него не опасен. Мне ведь после маминной смерти не бабло нужно было, а движуха. Да и проблем от этих инкассаторских мешков не оберешься... Не моя история! Парень он был неплохой, мы с ним за два года... ну, не скорешились, но держались вместе. Я вышел раньше него – и меня сразу встретили его бывшие дружки. Те, которые придумали, как ограбить инкассаторскую машину, но сами никуда не пошли. Они были уверены, что Олег поделился со мной, куда спрятал деньги. Как же иначе! Мы ж с ним лучшие кореша! Я от них чудом сбежал. Просто повезло! Батя к тому времени допился до белой горячки и помер. Я рассудил так: в Москве затеряться легче. Да и начинать с чистого листа тоже. В Новосибирске многие знали мою историю. А здесь ты как новорожденный. – Он слабо улыбнулся. – Бизнеса я наелся, учиться мне поздно... Так что пошел работать руками. Мудаков этих, Олеговых корешей, выкинул из головы. Но где-то в затылке у меня свербело, что они не уймутся, сколько бы лет ни прошло. Твари жадные... Три месяца назад я узнал, что Олег умер.

– Господи, почему?

– Что-то с почками. Он с детства болезненный. То есть вполне естественная смерть.

– И теперь получается, что ты единственный знаешь, где деньги?

– Ага. По мнению этих уродов. Слушай, я уверен: деньги увели менты, которые приехали по вызову. Там реально была полная неразбериха. Ну просто больше некому. Олежек себя не помнил, когда удирал. Пальба, вокруг трупы... Не до денег, живым бы остаться. Да и трусоватый он был. Для такого маневра нужно иметь другой склад характера. Давно эти бабки поделены и потрачены. Нечего там искать. – Он растер ладони и прижал к закрытым векам. – Ф-фух, устал. Не спал всю ночь, места себе не находил. Поинка, я так тебя подвел...

Я отвела его пальцы. Антон страдальчески уставился на меня. Белки у него и в самом деле покраснели, словно он проплакал несколько часов.

– Тебе нужно закапать в глаза. Подожди, поищу в аптечке...

Я вернулась с лекарством и, пока он лежал, запрокинув голову, спросила как можно нейтральнее:

– Ты считаешь, эти люди, твои фальшивые родители, – та банда, которая ищет деньги?

– Больше некому, – отозвался Антон. – Я, кстати, вспомнил... У них был свой карманный следователь. Они еще пу-

гали, что он снова меня закроет. Подкинут при обыске пакетик с порошком – и добро пожаловать обратно в колонию лет на пять.

Все сходится. Греков упоминал, что раньше служил в прокуратуре.

– Они его убили, – тихо сказала я.

Антон дернулся и вскочил.

– Что?!

Я рассказала о зарезанном Германе.

Антон бессильно выругался.

– Тебя кто-нибудь видел в его конторе?

– Нет. – Я умолчала о том, что на дверной ручке и выключателе остались мои отпечатки. – Слушай, зачем они разыграли это представление? Я имею в виду, со мной.

– У меня только одна гипотеза: они считали, что им удастся перетянуть тебя на свою сторону. Ты выведаешь у меня, где деньги, и все расскажешь им. Правда, тут есть одна неувязка...

– Какая?

– Если бы Олег реально поделился со мной, куда он спрятал сумки, неужели я до сих пор не потратил бы все? Тем более после его смерти!

– Ну, они могли считать, что ты решил выждать.

– Для безопасности? Да, возможно. Но вообще наглость у них запредельная!

– Что ты имеешь в виду?

– Что они захотели перевербовать тебя на свою сторону.

– А-а-а. Да, глупо...

Я вспомнила, какая радость меня охватила, когда отец Антона спросил: «Дочка, на ночь-то останешься?» Я сидела возле мерзких упырей, и в их гнусных рожах мне мерещились дивные лики. Мне так нравилось быть среди них... В семье, где взрослые были по-настоящему взрослыми, и ни за кем не требовалось присматривать. Где меня самую опекали весь вечер. Кормили, подливали, укрывали, шутили... Позвали к себе, наконец!

И как приبلудная собачонка, которую поманили куском мяса, я доверчиво пошла на запах.

Мы еще долго говорили о случившемся. Я легла к Антону на диван, и он обнимал меня крепко, шепча на ухо чудесную ерунду. Мы укрылись вдвоем в скорлупе моей квартиры, и старое чужое пальто, подобно домашнему призраку, охраняло наш покой.

* * *

Неделю спустя воспоминания о моей поездке поблекли. Так выцветает страшный сон. Просыпаешься от кошмара и думаешь, что никогда его не забудешь. Но уже несколько часов спустя не остается ничего, кроме удивления: что за чушь мне приснилась! И колющий взгляд Григория, и фальшиво-дружелюбные лица Ивана и Ларисы, и круглые, как

неваляшки, «сестры» Антона с пьяным малиновым румянцем, и даже страшный образ убитого Германа, – все они таили, уплывали, превращаясь в морок, в неразличимую муть. Лишь одно память сохранила цепко: изумленные глазищи кудрявой малышки, обнимавшей меня за колени.

А ведь они прокалывались на каждом шагу. Чего стоит выдумка о причине ссоры, из-за которой их сын якобы прервал отношения! Поразительно, что ради меня разыграли такой спектакль. Сколько же людей было в нем задействовано...

Эмме я почти не соврала. «Родители Антона давно умерли. Они были преступниками, поэтому он ничего не хотел мне говорить». Бабушка возжелала подробностей. «При встрече, Эмма, все при встрече! На следующей неделе!» У меня есть семь дней, чтобы продумать детали.

На пятый день мне позвонила Ксения.

– Пойдем гулять!

С ее стороны такое приглашение равносильно извинению. Я согласилась, и мы отправились в парк на Речной. Бродили среди цветущей сирени, махали теплоходам и ели мороженое. Она даже купила мне пломбир.

– Подлизываешься? – спросила я. – Будешь каяться?

– Каяться, допустим, мне не в чем. – Ксения брезгливо отлепила бумажку со своего мороженого и бросила мимо урны. – А вот о результатах твоей поездки было бы интересно узнать.

Я рассмеялась. Чужие тайны! Как же я могла забыть! Чтобы удовлетворить свое любопытство, Ксения готова купить всю тележку мороженщика, а не один несчастный стаканчик.

– А никаких результатов, – легко солгала я. – Только зря потратила деньги на перелет и гостиницу.

– А как же частный детектив, которого тебе рекомендовала бабуся?

– Год назад уехал на Бали. Больше ничего не расследует, сидит под пальмами.

Ксения подозрительно взглянула на меня.

– Хочешь сказать, ты отступилась? Ходила озабоченная, а теперь дала задний ход?

– Понимаешь, – сказала я, облизывая холодный сладкий купол пломбира, – это был такой знак от вселенной, что яснее уже некуда. Ты права. Незачем соваться не в свое дело. Антон поссорился с родителями и не хочет с ними общаться. Это все, что мне нужно знать.

В глазах Ксении по-прежнему читалось недоверие, и я добавила:

– Мироздание щелкнуло меня по носу.

– Я когда еще сказала: твой Антон тебя балует. – Ксения не была бы Ксенией, если б удержалась от шпильки: – Даром что монтажник, а понимает, что в его интересах целовать тебе пятки. Ты на три ступеньки выше...

– В каком смысле?

– На социальной лестнице, дурочка. Ты москвичка при

квартире и непыльной работенке. Он – пролетарий из Прибденевки. Не позволяй ему об этом забыть.

– А что насчет неприятного сюрприза, который должен был ждать меня по возвращении?

– Я его придумала со злости. Кстати, ты все еще выходишь на свои пробежки? – Ксения резко поменяла тему разговора.

– Да, а что?

– С завтрашнего дня присоединяюсь к тебе. Будем худеть вместе.

– Забудь и думать, – отозвалась я.

Мне нравится бегать одной. Я прислушиваюсь к своему телу. Улицы звучат по-другому, пробиваясь сквозь музыку в наушниках. Город видится иным. Пробежка для меня сродни медитации, а коллективные медитации не по мне.

– Это еще почему? – взвилась Ксения.

– Я привыкла бегать одна.

– Переучишься! Твоему мозгу полезны новые задачи.

– Возможно. Но бегать будем по отдельности.

Ксения использовала весь свой арсенал. Минута упрасииваний. Две минуты лести. Намек на смертельную обиду. Глубокое огорчение от того, что она впервые... захотела сама... и вот ее лучшая подруга ставит ей палки в колеса... препятствует единственному ее полезному стремлению... Она не может бегать без компании, к ней пристают, ей страшно!.. Что, если она упадет и сломает ногу! Полина, не отказывай мне, я больше никогда тебя ни о чем не попрошу, клянусь!

Ну пожалуйста-пожалуйста-пожаааалуйста!

И взгляд как у лемура из «Мадагаскара».

— Ксень, я в самом деле люблю бегать в одиночестве, — примирительно сказала я, когда все струны этой балалайки издали положенные звуки. — К тому же новичка на первых порах нужно учить. А тренер из меня никудышный.

Ксения обозлилась. Я видела, что она вот-вот наговорит мне гадостей. Но в последний момент в ее глазах что-то мелькнуло. Какая-то хитринка, которая заставила меня усомниться, что мы отыгрываем очередную партию в игре «Продави Полину и заставь ее сделать то, чего ей не хочется». Но Ксения тут же отвлеклась на пассажиров теплохода, спускавшихся по трапу. Больше мы не говорили о совместных тренировках.

Я возвращалась домой со смутным чувством, будто что-то упускаю. Если подумать, в нашей встрече странным было все. Начиная со звонка Ксении. Она могла не проявляться по три месяца. Ее обида не слабела со временем, просто в какой-то момент Ксения сменяла гнев на милость. Я не скучала по ней в этом промежутке. Но меня радовало, когда она возвращалась.

«Странная дружба», — скажете вы.

Дело в том, что я люблю быть одна. Пожалуй, это самое серьезное препятствие для крепкой дружбы. К старости я превращусь в старушку-отшельницу и тихо помру от перелома

шейки бедра в собственной ванне, потому что некому будет прийти мне на помощь. Меня не пугает эта перспектива.

Я резко остановилась посреди тротуара. В старушку-отшельницу? Почему в моем воображаемом будущем нет ни намека на Антона?

«Потому что мужчины умирают раньше женщин», – сказала я. Себе-то я отмерила лет девяносто, не меньше.

Однако ход моих мыслей мне не нравился.

Пришло сообщение от Антона: он писал, что закончил пораньше и скоро будет дома. Я медленно двинулась к подъезду. Не оставляло ощущение, будто что-то идет не так. Обычно-то я всем довольный беспечный лопух, и оттого, что на ровном месте психика начала выдавать невротические форматы, мне стало не по себе.

Это посттравматический синдром. Конечно, он! Запоздало проявился тревогой и страхом.

Стоило мне найти объяснение, я подняла глаза – и увидела на другой стороне дороги «дядю Григория».

Меня пригвоздило к месту.

До подъезда оставалось каких-то сто метров, а я не могла двинуться.

Паспорт! Паспорт, который он доставал из моей сумки! Ему нужна была страница с пропиской, и он подсмотрел адрес.

При дневном свете он выглядел старше, чем на искитимском застолье. Тощий матерый урка с синей веной на лбу.

Джинсы, футболка, мягая трикотажная кофта на молнии...

Григорий шагнул на проезжую часть, вздернул верхнюю губу, изобразив улыбку-оскал, и я поняла, что сейчас он убьет меня. Подойдет в тихом московском дворе, где дети играют на площадке и коты дремлют на подоконниках, ударит заточкой – и мое время закончится девятнадцатого мая в пять часов вечера.

Нас разделяло несколько шагов, когда на Григория налетел Антон. Он врезался в него, как пушечное ядро. Григорий отлетел в сторону и, не удержавшись на ногах, шлепнулся на бордюр. Антон обернул ко мне побагровевшее лицо. Я никогда не видела его в такой ярости.

– Иди домой, – сквозь стиснутые зубы приказал он. – Я сам с ним разберусь.

– Антон...

– Иди домой, – повторил он. – Подожди! Вот, возьми...

Он сунул мне свой телефон и буквально затолкал в подъезд.

– Антон, что ты хочешь делать...

– Ничего не бойся. Все будет хорошо.

Дверь подъезда закрылась. В последний миг я увидела костлявую фигуру Григория, быстро удалявшегося через двор.

Антон бросился за ним.

Можно было пренебречь его распоряжением. Выскочить на улицу, поднять скандал, вызвать полицию... Но Антон по-

обещал, что разберется сам.

Когда, поднявшись в квартиру, я выглянула из окна, двор был уже пуст. Антон с Григорием исчезли.

Несколько часов я места себе не находила. Рассказать о происходящем можно было только Эмме, но та всполошилась бы. Незачем тревожить даму ее возраста.

В половине девятого щелкнул дверной замок. Я вылетела в прихожую, готовая увидеть своего мужа окровавленным и избитым. Но Антон выглядел как обычно, разве что чуть более измученным.

– Полина! Как хорошо, что ты дома!

– Господи, где мне еще быть!

Теперь я обнимала его так, словно он потерялся и нашелся.

– Дай ботинки сниму, – рассмеялся он, и я отстранилась.

– Что произошло? Ты его догнал? Вы дрались?

– Да ну, какое там... Я существо миролюбивое. – Он взлохматил мне волосы.

– Я думала, ты его прямо там убьешь, на месте.

– Я жутко за тебя испугался. – Антон снова притянул меня к себе. – Слушай, живот подводит. У нас есть поужинать? Разогрей, пожалуйста. Меня на нервяке пробило на хавчик.

Он как-то судорожно улыбнулся и прерывисто вздохнул. Вот теперь стало заметно, что встреча с этим вырождением далась ему нелегко.

Пока он мылся, я сварила картошку и пожарила отбивные. Антон вышел, обернутый в полотенце, налил рюмку водки и опрокинул в себя, как родниковую воду. Потряс головой:

— Бр-р-р! Совсем я отвык от таких людей. Их только с водкой можно принимать. Дай огурчик!.. — Он захрустел огурцом и потянулся. — Я его вспомнил, как только увидел. Когда я освободился, за мной несколько дней по пятам ходил хвост. Вот это он и был. Кто он такой, не знаю, но его харя у меня на сетчатке выжжена.

— Ты догнал его? — Я поставила перед ним тарелку и села напротив.

— Ага. Правда, он удирал довольно резво. Видимо, решил, что его будут бить.

— Я тоже так подумала!

— Мы просто побеседовали. Правда, разговор вышел долгий. Я ему объяснял все то, о чем мы с тобой говорили... Что если бы я знал, где деньги, я бы давно их потратил. Да и смысла никакого не было Олегу со мной делиться. В чем профит-то? Ради какой великой цели? Чтобы я вышел раньше него и слинял с бабками? За которые его чуть не ухлопали... — Он налил себе еще одну стопку, опрокинул ее и внезапно засмеялся.

— Ты чего?

— Подумал: вот гдегодились тупые клиенты.

— Что ты имеешь в виду?

— Начальство дрючит нас, как чертей. «Никаких склок,

никакой грубости!» Даже если заказчик безмозглый и орет как баран, мы все равно обязаны разговаривать с ним спокойно. Выдержанно! Я раньше так бесился... А сегодня сидим на лавке с этим обрубком, он курит, я ему втираю, что они должны меня оставить в покое... Елозим сто раз по одному и тому же месту, уже достало. Но я все равно думаю: буду повторять сколько потребуется, пока он не въедет.

– И как, въехал?

Антон отправил в рот горячую картофелину.

– Вроде бы! – с набитым ртом выговорил он. – Я все время балансировал между нормальным разговором и угрозами. Они не понимают другого языка. Но, знаешь, у меня хорошее предчувствие. Надеюсь, этот дрищ передаст своим, что я для них – пустой билет.

– А зачем ему нужна была я?

Антон отрезал кусок отбивной, прожевал и лишь тогда ответил:

– Хотел через тебя найти ко мне подходы.

– Каким образом? – изумилась я.

Он пожал плечами:

– Говорю тебе, у этих людей своя логика. Он решил, что очаровал тебя, когда ты была у них в гостях... Значит, можно к тебе подкатить. О том, что ты сбежала от них ночью, он уже успел забыть или вообще не думал. – Антон вытер вспотевший лоб. – Ф-фух! Два часа трепались, а такое чувство, будто я неделю вагоны разгружал. Пойду прикорну на часок.

Разбуди меня, вечером пройдемся...

Но разбудить его я не смогла. Антон проснулся только утром, опухший и страшный, словно выпил накануне не две рюмки, а бутылку. Впрочем, так оно и оказалось. Пустая бутылка стыдливо пряталась за мусорным ведром. Значит, он вставал ночью, пока я спала.

Дорого же ему дался разговор с этим уголовником.

Я оценила, как отчаянно Антон пытался держать лицо. Мне нужно было все обдумать...

С этой пустой бутылкой я вновь споткнулась о мысль, как плохо его знаю.

Если разобраться, он ввалился в мою жизнь с такой же бесцеремонностью, как и Ксения. Зачем это нужно моей подруге, я не понимаю до сих пор. Одно могу сказать точно: конечно, Ксения ко мне привязана, даже очень... Но она меня не любит.

А Антон – любит.

Имеет ли значение что-то еще, кроме этого?

Если бы мне было семнадцать, я бы сказала – нет.

Но мне двадцать девять. За Антоном тянется шлейф нехорошей истории с отсидкой и украденными деньгами.

Подозреваю ли я его в том, что на самом деле ему известно, где деньги инкассаторов?

Отличный вопрос.

Три дня спустя у меня все еще не было на него ответа.

Я много тренировалась. Наматывала на пробежке по десять километров. Возвращалась домой взмокшая, обессиленная. Но пока я бежала, мысли о прошлом Антона вышибало из головы.

В пятницу я вышла из дома, как всегда, в десять утра. Пробегая через новый микрорайон – ни деревьев, ни кустов, одни заборы и башни новостроек, – увидела девушку, раскорежившуюся над коробкой, которую она пыталась втащить по ступенькам к подъезду. Вокруг не было ни души. Девушка подняла на меня умоляющий взгляд, и я остановилась.

В коробке были книги. До сих пор старые книги производят на меня магическое воздействие. Светоний, «Благие знамения» и «Недопёсок».

Есть книги, которые нам нравятся. Есть книги, которые мы любим. Есть книги, которые мы перечитываем.

А есть книги, из которых мы состоим.

Я состою из «Алисы в Стране чудес», «Улисса», «Ведьмака», «Черной курицы» и как раз таки «Недопёска». Папа читал мне его в детстве, прерываясь от хохота на каждой странице. «Собака походила на сосновый чурбак, укутанный войлоком».

– Вы мне не поможете? – Девушка молитвенно сложила руки. – Грузчики меня бросили.

Мы подхватили коробку с двух сторон и потащили в подъезд. Я боялась, что под тяжестью книг отвалится дно, но картон только выглядел хлипким.

– Не знаю... как вас благодарить...

Мы выпали на восьмом этаже, пыхтя от натуги. Лифт с клацаньем захлопнул двери, словно сожалея, что никого не прищемил.

– Не отрегулировали его... Каждый раз... зубами щелкает...

Стены в побелке. Пыльный ремонтный воздух.

– Хотите взять книжку на память?

– Спасибо!

Я склонилась над томиками, и в этот момент меня как будто толкнули в голову. Сине-зеленые собаки взлетели навстречу, и нас втянула темнота.

Глава четвертая. Саша

1

Если вы видите смерч и вам кажется, что он не движется, это значит, что он движется прямо на вас.

Вот единственное знание, вынесенное мной из школы.

Географичке было лет под сто. Ладно, пятьдесят. Но она вся была старая, от лаковой шпильки в седом пучке до заношенных туфель-балеток. Плоские такие, с узкими крысиными носами. Она ими постоянно шаркала. Шаркала, когда входила в кабинет. Шаркала, когда писала на доске тему урока. Говорю же, старуха.

Школа и без того полна гадостных звуков. У Чугунковой гнусавит Рианна в телефоне. Козырев орет сам. Скрипит мел, как умирающий. На перемене малыши из началки визжат так, словно их одного за другим пожирает мегалодон.

Вообще-то мегалодоны вымерли. Но знаете, от мертвых можно всего ожидать.

Даже если выкинуть из окна кретина Козырева, и дуру Чугункову с ее розовым айфончиком, и всех училок с первоклопами, все равно останется некий звук. Неслышная песня школьных коридоров. Унылая и безнадежная, как у ирландских рыбаков, захваченных бурей. Ирландские рыбаки, по-

нимая, что не вернутся домой, начинали петь. Так они прощались со своей жизнью. А поскольку и жизнь у них была тоскливая, и смерть противная, в ледяной воде, то песня получалась глухой и однообразной. Ирландские детишки, слышав ее на берегу, понимали, что трески сегодня к ужину не дождутся. Да и папочку тоже.

Ладно, про рыбаков я все сочинила. Вряд ли они пели, завидя большую волну. Наверное, просто орали друг на друга, надеясь, что, если погромче обматерить какого-нибудь Галлахера или Бреннана, те внезапно включат соображалку, найдут выход и всех спасут. Мои родители рассуждают так же. И соседи моих родителей. В общем, все. Они считают, что, если как следует на меня наорать, выйдет толк.

И знаете что?

Они правы.

Географичка ползет пальцем по списку учащихся.

– Нечаева, к доске.

Я обвожу класс насмешливым взглядом. Все притихли, ожидая бесплатного развлечения.

– Ну же, Нечаева! Атмосферные явления, – подсказала старуха.

Шпилька покачивается у нее на затылке, как ключик от дверцы. Поверни – а внутри иссохшей учительской черепашки старенькое расстроенное пианино, две канарейки, дырчатая шаль и подписка на газету «Правда». Между прочим, эта газета до сих пор у нас на антресолях валяется. Жел-

тая, точно прокуренная.

– Я не знаю, что отвечать, Инна Сергеевна.

– Про тайфуны, смерчи и торнадо.

Блин, какая зануда!

– Смерч, тайфуны и торнадо нафиг нам сюда не надо, – сообщила я.

Класс заржал.

До географички дошло, что я просто не готова к уроку. Я ожидала, что она, как обычно, скажет: «Садись, Нечаева, два» – и вся эта глупость закончится. Но Инна Сергеевна мигнула два раза, словно заводная кукла, чуть наклонилась вперед – клянусь, я расслышала механический скрип, – и отчетливо выговорила, обращаясь куда-то к портрету Миклухо-Маклая:

– Если вы видите смерч и вам кажется, что он не движется, это значит, что он движется прямо на вас.

Все замолчали. Я откровенно растерялась. Это было так странно, словно в соседе, вечно рыгающем тупом пьянчуге, вдруг прорезался оракул. Пока ее рука выводила двойку напротив моей фамилии, я вернулась на свое место и села в полной тишине.

– Рубцов, к доске, – сказала географичка.

В две тысячи двенадцатом я видела беду. Видела, как она застыла в сухом воздухе – поодаль, как мне казалось.

Все это время я смотрела на нее, как последняя дура, не

понимая, что она движется прямехонько ко мне. А потом она
прошлась по нам вихрем и разметала в клочья нашу малень-
кую жизнь.

Но в две тысячи восьмом всего этого я даже представить не могла. Да мне и не особенно нравилось что-то представлять. Карамазов часто повторял: «Память – блестящая, воображения – ноль». И складывал из указательного и большого пальцев морщинистый кружок, поросший черными волосками.

Поразительное дело: весь Карамазов седой и пушистый, как персик. А руки будто от другого владельца. Остались из тех времен, когда он еще был могучим брюнетом.

Это сам Дима-дед так про себя говорит. «В те времена, когда я был могучим брюнетом...» Я каждый раз хохочу. «Ах, безжалостное детство! Отчего тебе, Санечка, так трудно поверить, что я был молод и красив? И фотографии не убеждают? О, скептическое дитя нашего разуверившегося века!»

«Натырили фоток с чужих помоек – а теперь в уши мне льете!»

Этот диалог повторялся у нас в разных вариантах. Я отказывалась признавать, что портреты дрищеватого мужика с такой высокомерной морденыю, что только сниматься в фильмах про благородную жизнь, и нынешний жирный мohnатый старикашка – чисто поседевший шмель – имеют между собой что-то общее.

Конечно, все это было еще до того, как Карамазов стал

престарелым извращенцем. После-то нам было уже не до разговоров.

Понятия не имею, откуда возникло странное имя «Дима-дед». Я долгое время считала, что это одно слово: Димодет. Только годам к десяти до меня дошло, что Карамазов – Дмитрий Ильич. Подозреваю, не я одна считала его Димодетом. Тетки в нашем дворе называли его именно так. Иногда – Димодетушка. Как-то я даже услышала: «Димодетушка Ильич, будь миленький...»

Ну, миленьким-то Карамазов не был. Многие считали его злобной свиньей. Но он был офигеть какой образованный. Целый университет со всеми факультетами в одной носатой башке. Это вам не географичка с канарейками!

Познакомились мы, когда мне было семь. До того дня я не выделяла его среди остальных соседей. Но случилось так, что в то утро Вика умчалась на семинар, а меня с собой не взяла. Я, видите ли, спала!

Так себе причина.

Вику слегка оправдывает тот факт, что до этого мне не сильно доставалось. Я была мелкая, как блоха, и уже к трем годам научилась забиваться в щели при первых признаках папашиного бешенства. В нашей квартире таких мест хватало. Мое любимое было за холодильником. Один раз папенька пытался меня оттуда выудить. Но тут уж я сама взбесилась. Это было *запретное место*, ясно? Только мое! Никто не имел права совать туда свои грабли! Я цапнула его за ла-

донь. Он вслепую шарил за холодильником, и я вцепилась всеми зубами в мякоть под мизинцем.

Папочка взревел, как укушенная Годзилла, и стал пихать холодильник, чтобы отодвинуть его и навалить мне как следует. Но наш холодильник весит килограммов двести. Когда его вносили в кухню, пришлось отломать косяки, чтобы он прошел в дверь. Так мне рассказывала мама. Правда, в других комнатах косяков тоже не хватает, а там-то холодильников нету... Но мне как-то не приходило тогда в голову совместить эти два факта.

В недолгой борьбе холодильник победил. Папа свалился под морозилкой и захрапел. Тогда я выбралась наружу и удрала.

Но в тот день, когда я познакомилась с Карамазовым, все пошло не так с самого утра.

Уже за завтраком папаша был на взводе. Молча жевал свой бутерброд, шумно прихлебывая из чашки. Обычно по утрам он трещит не затыкаясь. Мелет языком что в голову взбредет, можно подумать, ему за это приплачивают. А тут сидит хмурый, как с похмельюги, хотя вчера точно не пили. Откуда я знаю? Бутылок-то нету. И по углам не наблевано.

В общем, даже дураку ясно: что-то не так.

И еще он долго жевал. Словно бутерброд был из гудрона. Наконец покончил с этим, сунулся в холодильник, чтобы сделать еще один, – и тут мамочка возьми да брякни, что колбаса закончилась.

Первый удар достался ей. Костлявый отцовский кулак прилетел матери прямо в нос. Она заорала, кинулась в ванную – а папаша вместо того, чтобы топать за ней, медленно повернул башку и уставился на меня с таким видом, будто это я слопала всю колбасу.

Тут мне стало не по себе.

Будь дома Вика, она бы утихомирила его. А я этого не умела. Мне не так чтобы часто доставалось...

– Все жрешь, – протянул папа, сощурившись. – Жрешь и жрешь. Как гусеница! Когда ты уже, наконец, лопнешь?

Он шарахнул кулаком по столу. Чашки подпрыгнули, шмякнулись и сделали еще один низенький прыг.

Я отставила свою кашу, выползла из-за стола и бочком протиснулась мимо папашиного стула.

– Куда пошла, когда с тобой отец разговаривает?!

Я рванула со всех ног – и вовремя! Папаша взмахнул рукой, но поймал только воздух. Он вскочил, ударился об угол – я услышала ругань за спиной – и припустил за мной.

– Не трожь ребенка! – взвизгнула мать.

Но из ванной носа не высунула.

Я промчалась по коридору, врзалась во входную дверь, нащупывая задвижку. Щелк! – собачка втянула серый язычок, выпуская меня. Хороший песик!

Перед дверью стояли мешки с мусором. Оставил сосед, неряха. Из них разило так, что моя каша чуть не полезла из желудка обратно. Я уже поняла, что папа всерьез взбесился,

так что терять мне было нечего. Схватила ближний мешок и метнула в сумрак коридора.

Пакет порвался на лету. Обьедки рассыпались по полу. Папаша поскользнулся и, судя по вою, шмякнулся.

Ну, теперь мне канты. На лестнице он меня догонит.

Но одновременно со страхом меня распирала какая-то дикая радость. Я смутно ощущала, что отец нарушил заведенные правила. Все драки – только вечером. Если ты не пьяный, распускать руки нельзя. А за что он взъелся на меня, вообще непонятно! Я ему слова не сказала! И колбасу их паршивую я не трогала.

По лестнице я бегаю нормально, но дело не в этом. Подъездная дверь – родная сестра нашего холодильника. Тяжеленная, как крышка гроба. Недавно хоронили соседку, тетю Валю с третьего этажа, так что я в курсе.

Мне не открыть дверь, если только не обломится везуха и кто-нибудь из взрослых не зайдет в подъезд, когда я буду колотиться изнутри. Если нет, папаша сгребет меня как котенка, уволочет домой и там...

Я пробежала один пролет вниз, второй... Взглянула вверх – и увидела отцовские ноги в тапочках. Не особо он спешил! Знал, что теперь мне никуда не деться.

Вдруг дверь за моей спиной приоткрылась. Из квартиры на третьем этаже, в которой раньше жила тетя Валя, высунулся толстый старикашка. Повел носом, оценил расклад... Распахнул дверь пошире и попятился.

Ну да, он был похож на паука! И что с того? Вика при каждом удобном случае талдычила про мужиков, которые делают с детьми всякие гадости. Но этот-то был старенький! Значит, не мужик.

А главное, от папаши меня отделял один лестничный пролет. С него станется запихать разлетевшийся мусор мне в горло. У отца вообще бывают довольно причудливые идеи.

Конечно, тогда я так не выражалась. Мыслишки у меня были куда проще. «Мне капец», – вот что я думала своей семилетней башкой.

Я нырнула в спасительный коридор, и старичок-паучок проворно запер дверь. Замок не издал ни звука. Я привстала на цыпочки, прижалась к глазку и увидела, как папаша топает вниз. Минуту спустя он появился снова, озираясь, будто обворованный. Я прыснула и зажала рот ладонью. Ну и рожа! Он не мог понять, куда я подевалась. Дверь-то не хлопала!

– Пойдем, – сказал хозяин жилища. – Вряд ли тебе в ближайшее время стоит появляться пред его рассерженными очами. Ты так не считаешь?

– Чево?

Он усмехнулся.

– Я говорю, лучше тебе пересидеть у меня, пока твой отец не уgomонится.

Я кивнула, настороженно глядя на него. Предостережения Вики всплыли в памяти.

– Хочешь, спустимся на первый этаж, я открою тебе

дверь, – предложил старикашка. – Или ты можешь разделить со мной скромную трапезу.

– Чево?

– Позавтракать. Твой папа# сегодня начал выступление очень рано. Я еще был за столом.

Только сейчас мой нос учуял ароматы из кухни. Пахло так, что я сглотнула слюну.

Попрошайничать нельзя. Нечаевы ни у кого не кланчат еду! Вика учит: чем сильнее хочешь есть, тем меньше показывай, что голодна.

– Я бы что-нибудь съела, – пробормотала я наконец.

– Слышу речь воспитанной леди! Что ж, прошу к столу. Только сначала помой руки.

Яичница с ветчиной. Ржаной хлеб, густо намазанный маслом. Кофе в игрушечной чашечке. Я удивилась: такой старый дядька, а пользуется кукольной посудкой.

Но какая же она была красивая!

– Зовут меня Карамазов, – сообщил хозяин, поджаривая для меня яичницу. – Выдающаяся фамилия, даром что придуманная. Я люблю ее звучание, оно облагораживает самый воздух этого простодушного городка. Можешь обращаться ко мне именно так. А как твое имя?

– Александра Нечаева. – Я ни слова не поняла из того, что он сказал.

– А как тебя зовет сестра?

Я удивилась, что он знает про Вику.

– Сашей...

– С твоего позволения, я буду использовать оба имени. Александра означает «защитница». Ты не усматриваешь в этом некоторую иронию?

Я молча таращилась на него.

– А мне как вас называть? – наконец спросила я.

Он негромко засмеялся. Смех у него был такой, будто суп перекипел в кастрюльке.

– Ка-ра-ма-зов. Поняла?

– По фамилии, что ли?

– Именно. Вот попробуй: «Карамазов, нет ли у вас чаю»?

– Карамазов, нет ли у вас чаю?

– Умница!

– И сосисок! Карамазов... – добавила я на всякий случай.

– Допускаю, что есть. Это предположение требует проверки.

Говорил он, конечно, чудно! Но накормил меня до отвала. А сосиски порубил и обжарил в сливочном масле на такой же малюсенькой игрушечной сковородочке! Я от счастья чуть не умерла. Они там пузырились и подпрыгивали, как лягушата.

– Вы что, гномик? – спросила я, когда он положил передо мной крошечный бутерброд с икрой. Половина орешка, а не бутерброд!

– Гномик? – Он снова забулькал. – Может быть, может быть! Между прочим, они довольно недобрые существа, хоть

и способны осчастливить человека.

– Чево?

– Ну все, с меня довольно. Пойдем с тарталеткой в гостиную.

– От тарталетки слышу!

Вика говорит: если тебя оскорбляют, никогда не молчи. Иначе зачморят. Только на учителей нельзя огрызаться и на родаков. На родаков – потому что врежут. А на учителей – потому что донесут родакам, и тогда они врежут.

«С меня довольно!» – говорит. А у самого мордень ни разу не довольная.

Мои слова Карамазов пропустил мимо ушей. Притащил меня в большую комнату. Заставил сесть на диван, достал книжку, уселся рядом. И начал читать:

– Жил-был в одной далекой стране угольщик Петер. Было ему всего шестнадцать лет. Он жил вместе с матерью, небогатой вдовой. Как же он был недоволен своей участью! «Что за жизнь у жалкого чумазого угольщика, – думал Петер и с завистью поглядывал на башмачников и музыкантов. – Ах, вот бы мне разбогатеть!...»

Сначала я не очень-то въехала, какого фишка старикашка все это затеял. Книжки мне не особо нравились. Вика иногда читала перед сном всякую чепуху для мелюзги – ну, про Колобка или курочку Рябу... А в садике мы должны были рассказывать на утренниках стишки. Я туда проходила совсем недолго, потому что мы переехали, а в новый садик меня уже

не взяли.

Я хотела сказать, чтобы Карамазов перестал... Но на третьем или четвертом предложении со мной что-то произошло. Я вдруг увидела все то, о чем он читал своим негромким голосом – таким приятным, будто пушистым. Комната наполнилась высоченными соснами. Запестрели крыши городка в долине у реки, мальчишка помчался со всех ног в чащу леса, а на ветке принялся скакать Стекланный Человечек в ярко-красных чулках, то оборачиваясь белкой, то вновь превращаясь в старичка... Я входила, замерев, в горницу великана, и мое сердце билось вместе с теми сердцами, что он хранил в стеклянных банках... Когда выросший Петер убил свою жену, у меня слезы хлынули по щекам.

Карамазов не прервался, чтобы утешить меня. Он продолжал читать.

Не знаю, сколько прошло времени. Когда он перевернул последнюю страницу и закрыл книгу, я сидела в каком-то потрясении. Мне отчего-то было плохо и в то же время так хорошо, что хотелось реветь в голос. Я молча вытирала слезы.

Карамазов уставился на меня своими выпуклыми глазами. Во взгляде мелькнул интерес.

– Занятно, занятно... Тебе понравилась эта история?

Понравилась? Она переполняла меня! Это я погибала от рук жестокого мужа, и я рыдала, оплакивая свою жену, которую сама же и убила, и лесорубы отплясывали у меня в голове, и золото звенело, и мохнатые еловые ветви кололись

изнутри. Это было жутко и прекрасно.

– Как ты думаешь, чем занимаются плотогоны? – спросил Карамазов.

Я замялась. По правде говоря, значение очень многих слов в этой сказке было для меня неясным.

– Представь дровосеков, которые рубят лес. Свалив дерево, они должны перевезти его в другое место. Проще всего это сделать, используя течение реки...

Шаг за шагом Карамазов объяснил почти все незнакомые слова. Шаровары, стеклодувы, сплавщики, холсты, угольные ямы, камзолы, гульдены... Моя голова распухла от новых знаний.

Став постарше, я задумывалась: с чего это Карамазову втемяшилось читать чужому ребенку сказку Гауфа?

Со временем я нашла ответ. Дима-дед был Стеклянным Человечком. Но в нашем маленьком городке никому не были нужны его дары. А Карамазов хотел одаривать. Хотел, чтобы им восхищались.

Ну да, он писал за местных теток кляузы. Кое за кого писал и обычные письма. Узнав об этом, я как-то пошутила, что на зоне его умение было бы очень востребовано. Карамазов вздрогнул, помрачнел и замкнулся в себе. На следующее утро я обнаружила, что он в стельку пьян.

Но что такое письма! Чепуха. А вот открывать ребенку шаг за шагом новый мир... Вести за руку, ловить его восхи-

щение... А я восхищалась на полную катушку. Читать сама я так и не полюбила. Но во мне открылся Слушатель. Жадный, требовательный. Готовый глотать все, что положат в его разинутый клювик.

В глубине души Карамазов был актером. Только став старше, я оценила, как великолепно он читал. Просто, без кривляний, ничего не изображая, но его голос действовал как волшебная пыльца. Я даже одно время думала: уж не гипнотизер ли он? Помашет перед лицом серебряной ложечкой – и ты в отключке! А сам внушает, что книжечки читал.

* * *

Мне семь лет, и у родителей еще есть нормальный заработок. Мать сидит за кассой. Раз в неделю я прибегаю покупать у нее шоколадное яйцо с сюрпризом. Ссыпаю ей в ладонь монетки, как взрослая, а мама хихикает и подмигивает мне, как девчонка. Мы с ней на время меняемся возрастом.

Настоящие «киндеры» – для буржуев. Мне хватает только на маленькое мятенское яичко в пожеванной фольге. Внутри вонючий зеленый шарик, который липнет к пальцам. Но все равно это волшебство!

Денег мне, конечно, никто не выдавал. За неделю я набирала их на улице. Больше всего можно добыть, если вовремя прибежать на школьную площадку, под турник, когда там крутятся старшие парни – выпендриваются перед дев-

чонками. Из карманов у них часто выпадает мелочь. Нужно дождаться момента, протиснуться среди толпящихся мальчишек и подхватить монетку из истоптанной травы. А вообще-то я высматриваю деньги повсюду. Мама говорит – мы нищие. Папа говорит: нас должно содержать государство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.